

Роберт Льюис
СТИВЕНСОН

То
Прыгунья
принца
То *моряка*

Роберт Льюис
СТИВЕНСОН

Приключения
принца
Юлиана

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Роберт Льюис Стивенсон

Алмаз Раджи

**(Приключения принца
Флоризеля — 2)**

ПОВЕСТЬ О ШЛЯПНОЙ КАРТОНКЕ

До шестнадцатилетнего возраста мистер Гарри Хартли, как и подобает джентльмену, сначала обучался в частной школе, а потом в одном из тех знаменитых заведений, которыми справедливо гордится Англия. Тут он обнаружил удивительную нелюбовь к учению, и так как родительница его была сама и слабовольна и невежественна, то сыну было разрешено отныне тратить свое время, совершенствуясь в пустячных и чисто светских навыках. Еще через два года он стал круглым сиротой и почти нищим. Ни для какой полезной деятельности Гарри по своей натуре и по своему образованию не годился. Он умел петь чувствительные романсы и кое-как подыгрывать себе на рояле, был изящным, хотя и робким наездником и выказывал явную склонность к шахматам. К тому же природа наделила его самой привлекательной наружностью, какую только можно себе представить. Белокурый, розовый, с невинным взором и кроткой улыбкой, он имел вид приятно-меланхолический и нежный, а манеры самые смиренные — и ласковые. Но при всем том он все-таки был не из тех, кто способен вести войска в бой или вершить дела государства.

Счастливым случаем и некоем влиятельным содействием помогли Гарри получить после постигшей его тяжелой утраты место личного секретаря у сэра Томаса Венделера — генерал-майора и кавалера ордена Бани. Сэр Томас был человек лет шестидесяти, шумный, самоуверенный и властный. По какой-то причине, за какую-то услугу, о которой нередко ходили сплетни, тут же, впрочем, опровергавшиеся, кашгарский раджа подарил этому офицеру шестой по величине алмаз на свете. Такой дар превратил генерала Венделера из бедняка в богача и сделал скромного и никому не известного служаку одним из львов лондонского света. Владельца индийского алмаза радушно принимали в самых избранных кругах, и нашлась некая молодая, красивая особа хорошего рода, у которой возникло желание завладеть этим алмазом даже ценою брака с сэром Томасом Венделером. Люди судачили, что "масть к масти подбирается" и что одна драгоценность притянула, к себе другую. И

правда, леди Венделер не только сама была брильянтом чистойшей воды, но и выступала в свете в очень дорогой оправе: многие достойные знатоки называли ее среди первых щеголих Англии.

Секретарские обязанности Гарри были не очень обременительны, но он не любил никакой затяжной работы; пачкать пальцы чернилами было для него мукой, а очарование леди Венделер и ее туалетов часто переманивало его из библиотеки в будуар. Он отлично умел обходиться с дамами, оживленно болтал о модах и с превеликим удовольствием толковал об оттенке какой-нибудь ленточки или мчался с поручением к модистке. И вот переписка сэра Томаса оказалась в самом плачевном виде, зато миледи обзавелась еще одной горничной.

Но однажды генерал, который был отнюдь не из терпеливых военачальников, поднялся со своего кресла в порыве яростного гнева и дал понять своему секретарю, что не нуждается более в его услугах, применив объяснительный жест, чрезвычайно редко употребляемый в разговоре между джентльменами. Дверь, к несчастью, была открыта, и мистер Хартли вниз головой съехал по лестнице.

Он поднялся весь в ссадинах и глубоко обиженный. Жизнь в доме генерала приходилась ему по вкусу: он все-таки — хотя и не вполне на дружеской ноге, — общался с благовоспитанными людьми, работал мало, ел как нельзя лучше, а в присутствии леди Венделер испытывал теплое и приятное чувство, которое втайне определял более пылким наименованием.

Оскорбленный грубым пинком военачальника, он поспешил в будуар и выложил там свои обиды.

— Вы сами отлично знаете, дорогой Гарри, — отвечала леди Венделер, называвшая его по имени, как ребенка или слугу, — что вы никогда, решительно никогда не выполняете требований генерала. Вы, пожалуй, скажете, что я поступаю так же. Но я — дело другое. Женщина будет своевольничать целый год, но, вовремя покорившись, сумеет заслужить прощение. И потом личный секретарь ведь не жена. Мне будет жаль расстаться с вами, однако нельзя же оставаться в доме, где вам нанесли оскорбление, а потому я желаю вам всего хорошего и обещаю, что генерал жестоко поплатится за свой поступок.

Лицо Гарри вытянулось. Слезы выступили у него на глазах, и он с выражением нежного упрека воззрился на леди Венделер.

— Миледи, — сказал он, — зачем говорить об оскорблениях? Чего стоит человек, не умеющий прощать их? Но расстаться с друзьями, разорвать узы привязанности...

Он не мог продолжать от душившего его волнения и заплакал.

Леди Венделер посмотрела на него с каким-то странным выражением.

"Этот дурачок, — подумала она, — воображает, будто влюблен в меня. Почему бы ему от генерала не перейти ко мне? Он добродушен, услужлив, знает толк в платьях. По крайней мере, здесь он не попадет в беду. Он положительно слишком смазлив, чтобы оставаться без присмотра".

В тот же вечер она поговорила с генералом, который уже несколько устыдился своей горячности. Гарри перешел в подчинение к хозяйке, и для него началась просто райская жизнь. Он одевался на редкость изящно, ходил с красивым цветком в петлице и умел занять любую гостью тактичной и приятной беседой. Он гордился тем, что прислуживает прекрасной женщине, любой приказ леди Венделер принимал как знак внимания и гордо охорашивался перед другими мужчинами, которые высмеивали и презирали его за эту роль то ли горничной, то ли модистки. Он не мог нахвалиться своей жизнью и с моральной точки зрения. Порочность представлялась ему чисто мужским свойством, и, проводя дни с хрупкой женщиной и занимаясь преимущественно тряпками, он словно спасался от жизненных бурь на очарованном острове.

В одно прекрасное утро он вошел в гостиную и стал прибирать ноты на крышке рояля. В дальнем углу комнаты леди Венделер оживленно беседовала со своим братом Чарли Пендрегоном, старообразным молодым человеком, изрядно потрепанным разгульной жизнью и сильно хромавшим на одну ногу. Личный секретарь, на приход которого они не обратили внимания, невольно слышал обрывки разговора.

— Сегодня или никогда, — сказала леди Венделер. — Раздумывать нечего, надо покончить с этим сегодня.

— Сегодня так сегодня, — ответил брат вздыхая. — Но, Клара, это ложный шаг, гибельный шаг. Как бы нам не пожалеть потом.

Леди Венделер твердо и чуть-чуть странно посмотрела на брата:

— Ты забываешь, что он ведь умрет в конце концов.

— Честное слово, Клара, — сказал Пендрегон, — такой бессердечной и бессовестной женщины, как ты, не найти во всей Англии.

— Вы, мужчины, — возразила она, — существа грубые, в оттенках значений не разбираетесь. Сами вы жадны, необузданны, бесстыдны и в средствах неразборчивы, а малейшая попытка женщины позаботиться о своем будущем вас возмущает. Меня весь этот вздор просто из себя выводит. Вы даже в простом поденщике не потерпели бы такой глупости, какой ожидаете от нас.

— Может быть, ты и права, — ответил ее брат. — Ты всегда была умней меня. К тому же тебе известно мое правило: "Семья важнее всего".

— Да, Чарли" — сказала она, поглаживая его руку. — Я знаю это правило лучше, чем ты сам. Но вторая половина твоего правила: "А Клара важнее семьи!" Верно? Ты в самом деле отличный брат, и я тебя нежно люблю.

Мистер Пендрегон поднялся, несколько смущенный этим изъяснением родственных чувств.

— Лучше, чтобы меня здесь не видели, — сказал он. — Я свою роль выучил назубок, да и с твоего котеночка глаз не спущу.

— Пожалуйста, — ответила она. — Это жалкое существо может нам все испортить.

Она послала брату кокетливый воздушный поцелуй, и тот через будуар удалился по задней лестнице.

— Гарри, — сказала леди Венделер, оборачиваясь к секретарю, как только они остались вдвоем. — Мне надо сейчас послать вас кой-куда. Только возьмите кеб: я не хочу, чтобы мой секретарь покрывался веснушками.

Последние слова она произнесла очень выразительно и сопровождала их почти матерински горделивым взглядом. Бедный Гарри ужасно обрадовался и заявил, что всегда рад услужить ей.

— Это будет еще одна наша тайна, — продолжала она лукаво, — очень важная тайна, и никто не должен знать о ней, только я да мой секретарь. Сэр Томас учинил бы великий переполох, а вы представить себе не можете, как мне надоели эти сцены! О Гарри, Гарри, объясните мне, отчего вы, мужчины, так грубы и несправедливы? Впрочем, нет, вам это тоже непонятно: вы единственный мужчина на свете, кому

несвойственна эта постыдная несдержанность. Вы такой хороший, Гарри, такой добрый, вы можете быть другом женщине. И, знаете, от сравнения с вами остальные кажутся еще хуже.

— Нет, это вы так добры, — любезно сказал Гарри. — Вы относитесь ко мне...

— Как мать, — перебила леди Венделер. — Я стараюсь быть вам матерью. По крайней мере, — поправилась она с улыбкой, — почти. Я, пожалуй, слишком молода и в матери вам не гожусь. Лучше скажем: я стараюсь быть вам другом, близким другом.

Тут она сделала паузу, достаточно долгую, чтобы Гарри успел размякнуть, но не такую длинную, чтобы ему удалось вставить слово.

— Впрочем, все это не относится к делу, — продолжала она. — В дубовом шкафу с левой стороны стоит шляпная картонка, она прикрыта розовым шелковым чехлом, который я надевала в среду под кружевное платье. Вы немедленно отвезете карточку по этому адресу. — Тут она дала ему конверт. Ни в коем случае не выпускайте ее из рук, пока не получите расписку, написанную моей собственной рукой. Понимаете? Повторите, пожалуйста, повторите! Это крайне важно, я очень прошу вас быть повнимательней.

Гарри успокоил ее, точно повторив инструкции. Она хотела добавить еще что-то, но тут в гостиную ворвался генерал Венделер, весь багровый от злости. В руках у него был длинейший и подробнейший счет от модистки.

— Не угодно ли вам поглядеть, сударыня? — закричал он. — Не окажете ли вы мне любезность взглянуть на этот документ? Я прекрасно понимаю вы вышли за меня по расчету, но, по-моему, ни один человек у нас в армии не дает своей жене столько на расходы, сколько я даю вам. И, как бог свят, я положу конец вашей бессовестной расточительности!

— Мистер Хартли, вам ясно, что надо сделать, — сказала леди Венделер. — Не задерживайтесь, прошу вас,

— Пойдите-ка, — сказал генерал, обращаясь к Гарри, — не уходите еще. — И, снова поворачиваясь к леди Венделер, спросил: — Что вы такое поручаете этому бездельнику? Я ему доверяю не больше, чем вам, так и знайте. Будь у него хоть на грош порядочности, он не захотел бы оставаться в этом доме, а за что он получает свое

жалованье, тайна для всей вселенной. Какое поручение вы ему даете, сударыня? И почему вы так торопитесь отослать его?

— Я думала, вы желали побеседовать со мной наедине, — возразила леди Венделер.

— Вы говорили о каком-то поручении, — настаивал генерал. — Не старайтесь меня обмануть, я и так вне себя. Вы говорили именно о каком-то поручении.

— Раз вы непременно хотите делать слуг свидетелями наших унижительных разногласий, — ответила леди Венделер, — может быть, мы попросим мистера Хартли присесть?.. Нет? Тогда, — закончила она, — вы можете идти, мистер Хартли. Полагаю, вы запомнили все, что слышали в этой комнате. Это может вам пригодиться.

Гарри тотчас же улизнул из гостиной. Взбегая вверх по лестнице, он еще слышал громкий и негодующий голос генерала и нежный голосок леди Венделер, которая то и дело вставляла ледяным тоном свои колкие замечания. Он искренне восхищался своей хозяйкой. Как ловко она обошла неприятный вопрос! Как хладнокровно повторяла свои наставления прямо под наведенными орудиями противника! И как в то же время был ему ненавистен ее супруг!

В происшествиях этого утра не было ничего необычного: он привык к тайным поручениям леди Венделер, связанным главным образом с нарядами. Был в доме один секрет, отлично ему известный. Отчаянное мотовство и тайные долги жены давно съели ее собственное состояние и со дня на день угрожали поглотить и состояние мужа. Раза два в год разоблачение и банкротство казались неминуемыми. Гарри бегал по лавкам поставщиков, врал как мог и платил по мелочам в счет больших долгов, пока наконец не добивался отсрочки и леди Венделер со своим верным секретарем не получали передышку. Ибо Гарри стоял горой за свою хозяйку, и не только потому, что обожал леди Венделер, а ее мужа боялся и ненавидел, но и потому, что от всей души сочувствовал любви к нарядам: он и сам не знал удержу, когда дело доходило до портных.

Он нашел шляпную картонку в указанном месте, старательно приделся и вышел из дому. Солнце ярко сияло, дорога предстояла неблизкая, и Гарри с огорчением вспомнил, что из-за неожиданного вторжения генерала леди Венделер не успела дать ему денег на кеб. В такой знойный день недолго было испортить себе цвет лица, да и

шествовать чуть ли не через весь Лондон со шляпной картонкой в руках казалось чересчур унижительным для молодого человека его взглядов. Он немного постоял, раздумывая. Венделеры жили на Итон-плейс, а идти надо было к Нотингхиллу; значит, можно пройти парком, держась подальше от многолюдных аллей. "Просто счастье, что еще сравнительно рано", размышлял он.

Торопясь отделаться от своей обузы, он шел быстрее обычного и уже почти миновал Кенсингтонские сады, как вдруг в уединенном уголке среди деревьев столкнулся лицом к лицу с генералом.

— Прошу прощения, сэр Томас, — промолвил Гарри, учтиво сторонясь, ибо тот преградил ему дорогу.

— Куда это вы идете, сэр? — спросил генерал.

— Хочу немножко прогуляться по парку, — ответил юноша.

Генерал ударил тростью по картонке.

— Вот с этой штукой? — воскликнул он. — Это ложь, сэр, отъявленная ложь!

— Право же, сэр Томас, — возразил Гарри, — я не привык, чтобы меня допрашивали в таком тоне.

— Вы забываетесь, — сказал генерал. — Вы состоите у меня на службе и к тому же внушаете мне самые серьезные подозрения. Почему знать, может быть, в этой картонке лежат серебряные ложки?

— В ней лежит цилиндр моего приятеля, — заявил Гарри.

— Отлично, — сказал генерал. — Тогда я хочу поглядеть на цилиндр вашего приятеля. Я чрезвычайно интересуюсь цилиндрами, — прибавил он зловеще. — И вы, вероятно, знаете, что я не охотник до шуток.

— Прошу прощения, сэр Томас, — вежливо промолвил Гарри, — мне очень жаль, но это, право, дело мое собственное.

Генерал грубо схватил его за плечо и угрожающе взмахнул тростью. Гарри решил, что погиб. Но в этот миг небо ниспослало ему неожиданного защитника в лице Чарли Пендрегона, который внезапно выступил из-за деревьев.

— Пойдите-ка, генерал, — сказал он. — Вы ведете себя невежливо да и недостойно мужчины.

— А, мистер Пендрегон! — воскликнул генерал, круто оборачиваясь к новому противнику. — И вы полагаете, мистер Пендрегон, что если я имел несчастье жениться на вашей сестре, то

позволю такому распутнику и моту, как вы, ходить за мною по пятам и вмешиваться в мои дела? Знакомство с леди Венделер, сэр, отбило у меня всякую охоту водиться с остальными членами семьи.

— А вы воображаете, генерал Венделер, — отпарировал Чарли, — что раз моя сестра имела несчастье стать вашей женой, значит, она распростилась со всеми правами и привилегиями дамы из общества? Конечно, выйдя за вас, сэр, она сделала все, чтобы уронить свое достоинство, но для меня она по-прежнему член семьи Пендрегонов. Мой долг — защитить ее от низкого надругательства, и, будь вы хоть десять раз ее муж, я не позволю вам ограничивать ее свободу и силой задерживать ее личного посланца.

— Что же это, мистер Хартли? — осведомился генерал. — Мистер Пендрегон, по-видимому, согласен с моим мнением. Он тоже подозревает, что леди Венделер имеет какое-то отношение к цилиндру вашего приятеля!

Чарли понял, что совершил непростительный промах, и поторопился его исправить.

— Что такое, сэр? — закричал он. — Вы говорите, что я «подозреваю»? Я ничего не подозреваю. Но когда я вижу, что при мне злоупотребляют силой и издеваются над подчиненными, я беру на себя смелость вмешаться.

Говоря это, он сделал знак Гарри, но тот по глупости или от волнения ничего не понял.

— Как мне истолковать ваши слова, сэр? — спросил Венделер.

— Да как вам будет угодно, сэр, — отрезал Пендрегон.

Генерал опять взмахнул тростью, намереваясь дать своему шурина по голове, но тот, хоть и был хром, отразил удар зонтиком и бросился на своего грозного противника.

— Беги, Гарри, беги! — кричал он. — Беги же, болван!

Мгновение Гарри стоял, оцепенев и глядел, как те двое раскачивались, яростно обхватив друг друга, затем повернулся и дал стрекача. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Чарли уже уперся коленом в грудь поверженного генерала, который все же делает отчаянные попытки поменяться с противником местами. Весь парк вдруг наполнился людьми, которые со всех сторон сбегались к месту сражения. От такого зрелища у секретаря выросли крылья за плечами,

и он не сбавлял шага, пока не достиг Бейзуотер-роуд и не влетел в какой-то пустынный переулок.

Видеть, как два знакомых джентльмена грубо тузят друг друга, было Гарри не по силам. Ему хотелось стереть из памяти эту картину, а еще больше — очутиться подальше от генерала Венделера. Второпях Гарри совсем позабыл, куда направляется, и, охваченный страхом, стремглав мчался вперед. При мысли о том, что леди Венделер приходится женой одному из этих гладиаторов и сестрой другому, его сердце наполнялось сочувствием к женщине, жизнь которой сложилась столь несчастливо. В свете этих бурных событий его собственное положение в доме генерала показалось ему не слишком завидным.

Он так погрузился в свои размышления, что, только задев нечаянно какого-то прохожего, вспомнил наконец о картонке, висевшей у него на руке.

— Ох, где была моя голова! — воскликнул он. — И куда это я забрел?

И он схватился за конверт, который дала ему леди Венделер. На нем стоял адрес, но имени не было. Секретарю поручалось спросить джентльмена, который должен получить пакет от леди Венделер, а если того не окажется дома, дожждаться его прихода. Джентльмен, указывалось далее, должен предъявить собственноручную расписку леди Венделер. Все это выглядело ужасно таинственно, но Гарри особенно удивляло отсутствие имени адресата и то, что требовалось получить расписку. Когда о расписке мимоходом упомянули в разговоре, он не придавал этому никакого значения. Теперь же, сопоставив надпись на конверте с другими странными обстоятельствами, он решил, что впутался в опасное дело. Он даже усомнился было в самой леди Венделер. Все эти странные затеи показались ему недостойными такой знатной дамы, а поняв, что у нее есть тайны и от него самого, он готов был судить о ней строже. Однако леди Венделер по-прежнему властвовала над его душой; в конце концов он отбросил всякие подозрения и основательно выбранил себя за то, что поддался им.

Так или иначе, но чувство долга и расчет, преданность и страх — все подсказывало ему, что надо самым спешным образом отделаться от шляпной картонки.

Он обратился к первому встречному полисмену и вежливо расспросил, как идти. Выяснилось, что он недалек от цели, и через несколько минут Гарри уже стоял перед маленьким, заново окрашенным домом. Тут все было в полном порядке: дверной молоток и звонок ярко блестели, на подоконниках красовались горшки с цветами, а шторы из дорогой материи скрывали внутренние покои от нескромных взглядов прохожих. Владелец дома, видимо, ценил покой и уединение, и Гарри, поддавшись общему духу, царившему здесь, постучал тише обычного и старательней обычного отряхнул пыль с сапог.

Довольно привлекательная служанка тотчас открыла дверь и окинула секретаря благосклонным взглядом.

— Пакет от леди Венделер, — сказал Гарри.

— Знаю, — сказала девушка, кивнув. — Но хозяина нет дома. Быть может, вы оставите пакет мне?

— Не могу, — ответил Гарри. — Мне приказано вручить его только на определенных условиях. Боюсь, что мне придется просить у вас разрешения подождать.

— Ну что ж, — сказала она. — Подождите, пожалуйста. Довольно скучно сидеть одной, а вы не похожи на человека, которому захочется обидеть девушку. Но, смотрите, не спрашивайте имени хозяина, мне этого говорить не велено.

— Неужели? — вскричал Гарри. — Вот странно! Хотя, по правде сказать, с недавних пор я на каждом шагу встречаюсь с неожиданностями. Надеюсь, вы не сочтете нескромным, если я все-таки задам один вопрос: этот дом принадлежит вашему хозяину?

— Он его снимает, и то лишь с неделю, — объявила горничная. — А теперь ответьте на мой вопрос: вы знакомы с леди Венделер?

— Я ее личный секретарь, — ответил Гарри, скромно зардевшись.

— Она красивая, наверно? — допытывалась служанка.

— О, она красавица! — воскликнул Гарри. — Она чудо как хороша собой и такая добрая и милая!

— На вид вы тоже добры, — возразила девушка. — Слово даю, вы стоите дюжины таких дам.

Гарри ушам своим не поверил.

— Я? — вскричал он. — Я всего-навсего секретарь!

— Это вы мне нарочно говорите? Да? — спросила она. — Я-то всего-навсего горничная. — Но, увидев, что Гарри смешался, прибавила мягче: — Вы, видно, не хотели сказать ничего такого, и вы мне нравитесь, но вашу леди Венделер я и в грош не ставлю. Ох уж эти хозяйки! Среди бела дня отправить настоящего джентльмена со шляпной картонкой в руках!

Пока шел этот разговор, она оставалась в дверях, а он по-прежнему стоял на тротуаре, без шляпы прохлады ради и с картонкой в руке. Однако при последних словах, смущенный слишком откровенными комплиментами и обнадеживающими взорами, которыми они сопровождались, Гарри начал топтаться на месте и неловко озираться по сторонам. Взглянув нечаянно в дальний конец переулка, он, к своему неописуемому ужасу, встретился взглядом с генералом Венделером. Разгоряченный, негодующий генерал нетерпеливо рыскал по улицам, преследуя своего шурина. Но когда ему попался на глаза провинившийся секретарь, его гнев немедленно устремился по новому руслу. Генерал круто повернулся и, свирепо размахивая руками, с громким воплем ринулся по тихому переулку.

Втолкнув в дом девушку, Гарри одним прыжком очутился за порогом, и дверь захлопнулась перед самым носом преследователя.

— Засов есть? Дверь запирается? — спрашивал Гарри под грохот дверного молотка, отдававшийся эхом во всех углах дома.

— Что с вами такое? — спросила девушка. — Вы испугались этого старика?

— Если он меня сцапает, — прошептал Гарри, — я пропал. Он гоняется за мной весь день, у него внутри трости спрятана шпага, а сам он военный, служил в Индии.

— Ну и дела! — воскликнула девушка. — А как же его зовут, скажите на милость?

— Это генерал Венделер, мой хозяин, — ответил Гарри. — Он хочет отнять у меня картонку.

— Что я вам говорила? — торжествующе вскричала девушка. — Говорила я вам, что она гроша ломаного не стоит, эта ваша леди Венделер. Будь у вас глаза на месте, вы бы и сами увидели, что она такое! Просто неблагодарная вертихвостка, верьте слову!

Разъяренный тем, что ему не открывают, генерал снова накинулся на дверной молоток да еще начал бить в дверь ногами.

— Хорошо, что я одна в доме, — заметила девушка. — Ваш генерал может барабанить, пока не выбьется из сил, все равно никто не откроет. Идите-ка за мной!

И она повела Гарри в кухню, усадила на стул, а сама стала рядом и нежно положила руку ему на плечо. Стук в дверь не только не утихал, но даже усиливался, и при каждом ударе несчастный секретарь весь содрогался.

— Как вас зовут? — спросила девушка.

— Гарри Хартли, — ответил он.

— А меня — Пруденс, — подхватила она. — Вам нравится мое имя?

— Очень, — сказал Гарри. — Но вы послушайте, как генерал колотит в дверь. Он, наверное, выломает ее, и тогда мне не быть живу.

— Зачем зря расстраиваться? — заявила Пруденс. — А ваш генерал пусть стучит, он только волдырей себе насадит. Неужели я держала бы вас здесь, если б наперед не знала, как вас выручить? Ну нет, я хороший друг тому, кто мне нравится. У нас ведь есть черный ход на другую улицу. Но я вас не проведу к выходу, — прибавила она, ибо Гарри сразу вскочил с места при этом радостном известии, — пока вы меня не поцелуете. Поцелуете, Гарри?

— Конечно, поцелую! — галантно воскликнул он. — И вовсе не ради вашей другой двери, а потому, что вы добрая и хорошенькая.

И он нежно расцеловал ее, и она ответила ему тем же.

Затем Пруденс провела его к выходу.

— А вы придете еще повидать меня? — спросила она, берясь за ключ.

— Непременно, — ответил Гарри. — Разве я не обязан вам жизнью?

— А теперь, — сказала она напоследок, открывая дверь, — бегите со всех ног: сейчас я впущу генерала.

Едва ли Гарри нуждался в таком совете: подгоняемый страхом, он без промедления пустился наутек. Еще несколько шагов, и его испытания закончатся и он, целый и невредимый, вернется к леди Венделер. Но он не успел пробежать эти несколько шагов. Он услышал, что кто-то, окликает его по имени и клянет на чем свет стоит. Обернувшись назад, он заметил Чарли Пендрегона, который махал ему обеими руками, подзывая к себе. Эта неожиданная встреча

так поразила Гарри, нервы которого и без того были напряжены до крайности, что он не мог придумать ничего лучшего, как прибавить ходу и мчаться дальше. Если бы Гарри припомнил сцену в Кенсингтонских садах, он догадался бы, что раз генерал враг ему, то Чарли Пендрегон должен быть другом. Но он был в таком отчаянном смятении, что эта мысль не пришла ему в голову, и он только быстрее побежал по переулку.

Судя по сердитому голосу и тем ругательствам, которые неслись вслед секретарю, Чарли был вне себя от ярости. Он тоже бежал изо всех сил; но как ни старался, физические преимущества были не на его стороне, и вскоре выкрики Чарли Пендрегона и неровный звук его шагов по мостовой стали затихать где-то вдалеке.

Гарри опять воспрянул духом. Узкий переулок шел круто в гору и был на редкость безлюден. По обе стороны тянулись садовые ограды, с них свешивались ветви деревьев, а впереди, насколько глаз хватал, не было ни души и не виднелось ни одной открытой калитки. Судьба, очевидно, утомясь его преследовать, предлагала ему путь к спасению.

Увы! Когда он поравнялся с одной садовой дверцей, осененной каштанами, она вдруг приоткрылась, и за нею на дорожке он увидел фигуру разносчика из мясной лавки со своим лотком. Гарри пролетел мимо, едва заметив его. Но парень успел разглядеть Гарри и, очевидно, весьма удивился, что какой-то джентльмен несется вперед с такой неподобающей скоростью. Он вышел в переулок и, подбадривая Гарри, пустил ему вслед несколько насмешливых восклицаний.

Его появление подало новую мысль Чарли Пендрегону. Он, хоть и запыхался изрядно, нашел в себе силы крикнуть:

— Держи вора!

Разносчик немедленно подхватил его возглас и присоединился к погоне.

У бедного затравленного секретаря упало сердце. Правда, страх прибавлял ему прыти, и он с каждым шагом все дальше уходил от преследователей. Но он чувствовал, что силы его иссякают и что, попадись в этом узком переулке кто-нибудь ему навстречу, положение его станет вовсе безнадежным.

"Надо где-нибудь укрыться сию же секунду, не то мне конец!" — подумал он.

Едва у него мелькнула эта мысль, как переулок вдруг круто завернул и поворот скрыл Гарри от врагов. Бывают обстоятельства, когда даже самые нерешительные люди начинают действовать быстро и энергично, а самые предусмотрительные забывают свое благоразумие и принимают безрассудно смелые решения. Пришел такой час и для Гарри Хартли. Всякий, кто хорошо знал юношу, подивился бы сейчас его отваге: он вдруг остановился, перекинул картонку через ограду, проворно подпрыгнул, ухватился за верх стены обеими руками и вслед за картонкой свалился в сад.

Когда спустя секунду он пришел в себя, оказалось, что он сидит на клумбе среди невысоких розовых кустов.

Руки и колени у него были изрезаны, потому что стена на случай подобных вторжений была щедро утыкана осколками старых бутылок. Он чувствовал, что весь разбит, а голова у него болит и кружится. В глубине сада, тщательно ухоженного и засаженного душистыми цветами, виднелась задняя стена дома. Дом, довольно обширный и, очевидно, обитаемый, по странному контрасту с садом был в забросе, обветшал и имел самый жалкий вид. С трех других сторон сад был обнесен сплошной стеной.

Тупо поглядывая по сторонам, Гарри отмечал все эти подробности, но еще не был в состоянии сопоставить их и сделать из них разумный вывод. Поэтому, слышав шаги, приближавшиеся к нему по усыпанной гравием дорожке, он обратил свой взор в ту сторону еще без всякой мысли о защите или бегстве.

К нему с лейкой в руке подходил крупный человек грубой и отталкивающей наружности, одетый, как садовник. Всякий встревожился бы, увидев его громадную фигуру и встретив этот угрюмый взгляд исподлобья. Но Гарри был так оглушен падением, что даже не испугался. Не в силах отвести глаз от садовника, он сидел на месте и не оказал ни малейшей попытки к сопротивлению, когда тот приблизился, взял его за шиворот и рывком поставил на ноги.

Несколько мгновений оба молчали, уставившись друг на друга: Гарри словно замороженный, а свирепый садовник — с жестокой и злобной усмешкой.

— Ты кто такой? — спросил он наконец. — Кто тебе разрешил лазать через стены и ломать мои розы? Ведь это же "Слава Дижона"!

Как тебя звать? И что тебе здесь нужно? — прибавил он, встряхивая Гарри.

Гарри не мог вымолвить ни слова в объяснение.

Но как раз в этот момент Пендрегон и разносчик протопали мимо, и хриплые голоса и звуки шагов громко раздались в узком переулке.

Садовник получил ответ на свой вопрос и поглядел на Гарри с мерзкой усмешкой.

— Вор! — сказал он. — Честное слово, ремесло-то, видать, прибыльное: ты вон разodelся джентльменом с головы до пяток. И не стыдно тебе, вырядившись так, разгуливать по свету, когда честные люди, верно, рады были бы и твоим обноскам? Ну, говори, дрянь ты этакая! — продолжал он. Простого языка не понимаешь? Нужно же мне потолковать с тобой прежде, чем я сведу тебя в участок.

— Сэр, — сказал Гарри, — право, все это — страшное недоразумение. Пойдемте со мною к сэру Томасу Венделеру на Итон-плейс, и, клянусь вам, все разъяснится. Теперь я вижу, что и самый добропорядочный человек может попасть в сомнительное положение.

— Нет, красавчик, — возразил садовник, — мы с тобой пойдем вместе не дальше полицейского участка, что на соседней улице. Инспектор, наверное, охотно прогуляется с тобой на Итон-плейс и попьет чайку с твоими важными знакомыми. Может быть, тебе захочется идти прямо к министру внутренних дел? "Сэр Томас Венделер", скажи на милость! И ты думаешь, мне не отличить джентльмена от обыкновенного прощельги вроде тебя? Как ты ни оденешься, я тебя вижу насквозь. Вот рубашка, которая стоит не меньше моей воскресной шляпы, и пиджак твой, ручаюсь, никогда не висел в лавке старьевщика, а сапоги...

Тут садовник, поглядев вниз, разом оборвал свои оскорбительные замечания и несколько секунд разглядывал что-то у себя под ногами. Когда он заговорил снова, голос его звучал как-то странно.

— Да что же это такое, черт побери? — сказал он.

Следуя направлению его взгляда, Гарри увидел нечто, заставившее его онеметь от изумления и страха. Падая со стены, он свалился прямо на картонку, которая лопнула сверху донизу, и из нее вывалилась целая груда бриллиантов. Они рассыпались по грядке, и часть их была затоптана в землю, а часть лежала на виду, сверкая царственным великолепием. Была здесь и чудесная диадема, которой он так часто

любовался, когда она сияла на головке леди Венделер, были кольца и броши, серьги и браслеты и даже неоправленные бриллианты, блиставшие сейчас в кустах роз, словно капли утренней росы. Лаская взор и отражая лучи солнца миллионами радужных вспышек, перед ними на земле лежало княжеское богатство, в самой привлекательной, надежной и долговечной форме, лежало у самых ног, хоть собирай в передник и уноси.

— Боже милостивый! — произнес Гарри. — Я погиб!

Недавние происшествия с молниеносной быстротой промелькнули у него в памяти: ему стало ясно, что случилось с ним за день, и он стал постигать связь так злосчастно перепутавшихся событий, от которых теперь зависела его репутация и судьба. Он посмотрел вокруг, как бы ища помощи, но в саду не было ни души, кроме него самого, рассыпанных бриллиантов да его грозного собеседника. И сколько он ни прислушивался, он слышал лишь шелест листвы и частое биение собственного сердца. Ничуть не удивительно, что, теряя остатки мужества, Гарри повторил дрогнувшим голосом:

— Я погиб!

Садовник воровато оглянулся по сторонам и, к видимому своему облегчению, никого не увидел в окнах дома.

— Держись, дурак ты этакий! — сказал он. — Самое трудное позади. Почему ты сразу не сказал, что здесь хватит на двоих? Какое там — на двоих! Да на две сотни человек! Пошли, впрочем, отсюда, здесь нас могут заметить, и, ради бога, поправь свою шляпу и почисти платье. В таком нелепом виде тебе далеко не уйти!

Пока Гарри, почти не сознавая, что делает, выполнял этот совет, садовник, опустившись на колени, стал торопливо собирать рассыпанные бриллианты и складывать их обратно в картонку. От прикосновения к драгоценным камням дрожь волнения пробежала по его дюжему телу, лицо исказилось, глаза горели алчностью, он словно упивался своим занятием, растягивал его и любовно ощупывал каждый камень. Наконец все было сделано. Прикрыв картонку полкой блузы, садовник поманил Гарри и направился к дому.

У самой двери им повстречался молодой человек, по виду священник, со смуглым и поразительно красивым лицом, в чертах которого сочеталось выражение слабости и решительности. Он был одет скромно, но опрятно, как это принято у его сословия. Садовник

явно не обрадовался этой встрече, но постарался скрыть свою досаду и, подобострастно улыбаясь, обратился к священнику.

— Чудесный денек, мистер Роллз. — сказал он, — просто лучше не бывает. А это мой молодой приятель: ему вздумалось посмотреть на мои розы. Я позволил себе провести его в сад, решив, что никто из жильцов возражать не будет.

— Я-то, во всяком случае, не буду, — ответил преподобный Саймон Роллз. — Да и не представляю себе, чтобы остальные стали придирааться к такой малости. Сад принадлежит вам, мистер Рэберн, никто из нас не должен этого забывать. И если вы позволяете нам гулять здесь, было бы черной неблагодарностью злоупотреблять вашей добротой и не считаться с вашими друзьями. Однако я припоминаю, — добавил он, — что мы с этим джентльменом как будто уже встречались. Мистер Хартли, если не ошибаюсь? Вам, кажется, привелось упасть, разрешите выразить вам мое сочувствие.

И он протянул руку.

По какой-то девичьей застенчивости или просто желая оттянуть неизбежные объяснения, Гарри не принял случайно подвернувшейся помощи и решил отпираться. Он предпочел довериться садовнику, который был ему неизвестен, чем подвергать себя расспросам, а то и подозрениям знакомого человека.

— Боюсь, что это ошибка, — сказал он. — Мое имя Томлинсон, я друг мистера Рэберна.

— Правда? — сказал мистер Роллз. — Сходство поразительное.

Мистер Рэберн, который все время был как на иголках, почувствовал, что пора положить конец этому разговору.

— Желаю вам приятной прогулки, сэр, — сказал он.

И он втащил Гарри за собой в дом, а затем провел в комнату с окном в сад. Прежде всего он поспешил опустить штору, потому что мистер Роллз в задумчивости и растерянности все еще стоял там, где они его оставили. Потом садовник опрокинул распоротую картонку на стол и с выражением восторженной жадности на лице, потирая ладони руками, замер перед открывшимися сокровищами. Глядя на этого человека, обуреваемого низкими чувствами, Гарри испытал новые муки. После легкой, невинной и пустяковой жизни казалось невыносимым очутиться сразу в мире низменных и преступных побуждений. Он не помнил за собой никакого греха, а теперь его

постигла кара, мучительная и жестокая — страх наказания, недоверие честных людей и унижительное сообщничество человека гнусного и грубого. Он почувствовал, что с радостью отдал бы жизнь, лишь бы убежать из этой комнаты и не видеть больше мистера Рэберна.

— А теперь, — сказал тот, разделив драгоценности на две почти равные части и придвигая одну к себе, — а теперь вот что. За все на этом свете надо платить, и подчас даже порядочно. Надо вам знать, мистер Хартли, если так вас зовут, я человек весьма покладистый и мое добродушие всю жизнь мне мешало. Я мог бы прикарманить все эти красивые камушки, если б захотел, и вы даже пикнуть не посмели бы. Только вы мне чем-то понравились, честное слово, как-то не хочется обирать вас дочиста! Так что я, знаете, по доброте душевной предлагаю поделиться. Дележ, — тут он указал на две кучки, — сделан, кажется, справедливо и по-дружески. Осмелюсь спросить, мистер Хартли, возражений не будет? Не такой я человек, чтобы спорить из-за какой-нибудь брошки.

— Но, сэр, — вскричал Гарри, — то, что вы мне предлагаете, просто невозможно! Драгоценности эти не мои, я не могу отдавать чужое и ни с кем никакого дележа устраивать не буду.

— Ах, не ваши? — возразил Рэберн. — И вы отдавать их никому не можете, вот как? Ну что ж, очень жаль; тогда мне придется вести вас в участок. Полиция — подумайте-ка о полиции — какой позор для ваших почтенных родителей! Подумайте, — продолжал он, беря Гарри за руку, — подумайте о суде, о колониях, о каторге. Ведь настанет и день Страшного суда!

— Я не могу ничего поделать, — жалобно бормотал Гарри. — Я тут ни при чем. Вы же не хотите идти со мной на Итон-плейс?

— Нет, — ответил тот, — не хочу, это уж точно. Я намерен поделить с вами эти игрушки здесь.

С этими словами он вдруг жестоко вывернул юноше РУКУ.

Гарри не мог сдержать крика, пот покатился по его лицу. Может быть, боль и страх заставили его лучше соображать, но только все дело вдруг предстало перед ним в ином свете. Он увидел, что ему ничего не остается, как принять предложение мерзавца, в надежде потом — при более благоприятных обстоятельствах и когда он сам будет вне подозрений — разыскать дом и силою отобрать вещи.

— Согласен, — пробормотал он.

— Вот этак-то лучше, милашка, — осклабился садовник. — Я, так и думал, что в конце концов ты сообразишь, в чем твоя выгода. Картонку, продолжал он, — я сожгу вместе с мусором, чтобы не попала на глаза кому не надо, а ты собирай-ка свои побрякушки и прячь их по карманам.

Гарри повиновался. Рэберн наблюдал за ним, и то и дело, когда какой-нибудь камень вспыхивал ярким огнем, разгоралась и его алчность; тогда он извлекал еще одну драгоценность из доли секретаря и прибавлял к своей.

Когда с этим было покончено, оба направились к выходу. Рэберн осторожно отпер дверь и выглянул на улицу. Прохожих не было видно; тогда он внезапно схватил Гарри рукой за шиворот и, нагнув ему голову, чтобы тот видел лишь мостовую да ступеньки перед дверьми домов, минуты две стремительно тащил его сначала по одной улице, потом по другой. Гарри успел насчитать три угла, прежде чем негодяй разжал руку и, крикнув: "А теперь убирайся!" — ловко и метко дал ему такого пинка, что Гарри лицом вниз полетел на мостовую.

Когда ошеломленный, с окровавленным носом, он поднялся, мистера Рэберна и след простыл. Тут гнев и боль окончательно одолели Гарри: он разразился плачем да так и остался, рыдая, посредине улицы.

Немного утолив слезами свое горе, он оглянулся по сторонам и стал читать названия улиц у перекрестка, где бросил его садовник. Он по-прежнему находился в малолюдной стороне лондонского Вест-Энда, среди вилл и обширных садов. В одном окне он все же заметил людей, очевидно, бывших свидетелями его злоключений, и почти сразу из этого дома к нему выбежала служанка со стаканом воды. В то же время какой-то грязный бродяга, слонявшийся неподалеку, начал подбираться к нему с другой стороны.

— Бедняга, — сказала девушка, — ну и подло же обошлись с вами! Смотрите-ка, колени разбиты, все платье порвано! А вы знаете негодяя, который вас так отделал?

— Разумеется, знаю! — вскричал Гарри, выпив воды и почувствовав себя бодрее. — Я до него доберусь, ему от меня не уберечься! Уж он поплатится за свои дела!

— Вы лучше вошли бы в дом, помылись и почистились, — продолжала девушка. — Ничего, моя хозяйка вас не выгонит.

Постойте, я подберу вашу шляпу. Ай, господи! — взвизгнула она. — Да вы засыпали алмазами всю улицу!

Так оно и было. Изрядная часть драгоценностей, доставшихся ему после грабежа, учиненного Рэберном, вывалилась из карманов, когда Гарри летел кувырком, и теперь алмазы опять, сверкая, лежали на земле. "Вот счастье, что у девушки такое острое зрение, ведь могло быть хуже", — подумал Гарри и, обрадованный тем, что может спасти хоть несколько сохранившихся у него камней, готов был забыть об утрате всех остальных.

Но увы! Когда он нагнулся, чтобы подобрать свои сокровища, бродяга внезапно бросился к ним, с наскока опрокинул наземь и Гарри и девушку, подхватил полную пригоршню бриллиантов и с изумительным проворством удрал прочь.

Едва вскочив на ноги, Гарри со страшными воплями погнался за злодеем, но тот был проворнее или, может быть, лучше знал окрестные места: куда только ни поворачивал преследователь, ему не удавалось обнаружить и следов беглеца.

В глубочайшем унынии Гарри вернулся к месту катастрофы, где поджидавшая его служанка честно отдала ему шляпу и уцелевшие из просыпанных бриллиантов. Гарри от всего сердца поблагодарил ее, затем, откинув всякую бережливость, направился к ближайшей стоянке кебов и поехал на Итон-плейс.

Он застал весь дом в смятении, словно в семье произошло несчастье. Слуги теснились в холле и не могли — да и не очень старались — удержаться от смеха при появлении потрепанной фигуры секретаря. Стараясь сохранять достойный вид, он прошел мимо них и направился прямо в будуар. Когда он открыл дверь, его взорам предстало удивительное зрелище, не сулившее ничего хорошего: генерал, его жена и — подумать только! — Чарли Пендрегон сидели тесным кружком, деловито обсуждая что-то важное. Гарри сразу понял, что ему не придется давать длинных объяснений: вероятно, генералу откровенно рассказали о задуманном покушении на его кошелек и о провале всей затеи. Теперь, ввиду общей опасности, они, очевидно, собирались действовать сообща.

— Слава богу! — воскликнула леди Венделер. — Вот он! Картонка, Гарри, где же картонка?

Но Гарри стоял перед ними молчаливый и подавленный.

— Говорите — закричала она. — Говорите же! Где картонка?

Мужчины, угрожаясь придвигаясь к нему, повторяли то же самое.

Гарри вынул из кармана горсть драгоценностей. Он был белей полотна.

— Вот все, что осталось, — сказал он. — Беру небо в свидетели, это вышло не по моей вине, и если вы наберетесь терпения, то кое-что, вероятно, удастся вернуть, хотя многие камни, я боюсь, пропали навсегда.

— Увы! — вскричала леди Венделер. — Все наши бриллианты пропали, а у меня девяносто тысяч фунтов долга за одни туалеты!

— Сударыня, — сказал генерал, — пусть бы вы побросали свои собственные побрякушки в сточную канаву, пусть бы наделали долгов даже в пятьдесят раз больше, пусть бы украли алмазную диадему и кольцо моей матери, я, наверное, по слабости характера простил бы вас в конце концов. Но, сударыня, вы забрали Алмаз Раджи — "Око Света", как его поэтически окрестили на Востоке, "Славу Кашгара". Вы отняли у меня Алмаз Раджи! вскричал он, воздевая руки, — и все, сударыня, все покончено между нами!

— Поверьте мне, генерал Венделер, — ответила она, — это самые приятные слова, какие, только мне приходилось слышать из ваших уст, и я готова приветствовать грозящее разорение, если оно избавит меня от вас. Вы мне достаточно часто говорили, что я вышла за вас из-за денег. Позвольте мне теперь сказать вам, что я не раз горько каялась в этой сделке. И если бы вы могли жениться снова и если бы у вас был алмаз величиной с вашу собственную голову, — я даже свою горничную отговаривала бы от такого незавидного и опасного союза. Что касается вас, мистер Хартли, — продолжала она, поворачиваясь к секретарю, — вы уже полностью проявили в этом доме свои ценные свойства. Мы теперь убедились, что у вас нет ни мужества, ни разума, ни чувства собственного достоинства. И, по-моему, вам остается только одно: немедленно удалиться и по возможности не возвращаться более. За жалованьем вы вправе прийти в качестве кредитора, когда будет объявлено о банкротстве моего бывшего мужа.

Гарри не успел еще опомниться от этих оскорбительных речей, как на него обрушился генерал.

— А пока, — заявил тот, — идемте со мной к ближайшему полицейскому инспектору. Вам легко удалось обмануть

простодушного солдата, но недремлющий закон выведет вас на чистую воду. Пусть мне на старости лет придется жить в нищете из-за ваших козней с моей супругой, зато я постараюсь по крайней мере, чтобы ваши труды не остались без награды, и бог откажет мне в большом удовольствии, если отныне и до самой вашей смерти вам не придется щипать паклю на каторге.

С этими словами генерал вытолкнул Гарри из комнаты, стащил вниз по лестнице и поволок в ближайший полицейский участок.

На этом, по словам арабского автора, заканчивается печальная повесть о шляпной картонке. Однако злосчастному секретарю эти события помогли стать мужчиной и начать новую жизнь. Полиция убедилась в его невиновности, а когда он оказал посильную помощь в дальнейших розысках, один из начальников сыскного отделения даже похвалил его за честное и прямое поведение. Многие лица приняли участие в судьбе несчастливца, а когда в Вустершире скончалась одна его незамужняя тетка, он унаследовал после нее порядочную сумму. Благодаря этому он женился на Пруденс и, чрезвычайно довольный, полный самых радужных надежд, отплыл на Бендиго, а по другим источникам — в Тринкомали.

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ

Преподобный Саймон Роллз весьма преуспел на поприще исследования этических учений и слыл особым знатоком богословия. Его работа "О христианской доктрине общественного долга" при появлении в свет принесла ему некоторую известность в Оксфордском университете. И в клерикальных и в научных кругах говорили, что молодой мистер Роллз готовит основательный труд (по словам иных, фолиант) о незыблемости авторитета отцов церкви. Ни познания, ни честолюбивые замыслы, однако, вовсе не помогли ему в достижении чинов, и он все еще ожидал места приходского священника, когда, прогуливаясь однажды по Лондону, забрел на Стокдоув-лейн. Увидев густой, тихий сад и прельстившись покоем, необходимым для научных занятий, а также невысокой платой, он поселился у мистера Рэберна.

Молодой человек завел себе привычку ежедневно, после семи-восьми часов работы над св. Амвросием или св. Иоанном Златоустом, гулять среди роз, предаваясь раздумью. Это были у него обычно самые плодотворные часы дня. Но даже искренняя любовь к науке и увлечение важными проблемами, ожидающими решения, не могут подчас оградить разум философа от, встреч и столкновений с суетным миром. И когда молодой священник увидел секретаря генерала Венделера, оборванного и окровавленного, рядом с мистером Рэберном, когда он заметил, что оба переменились в лице и стараются увильнуть от расспросов, и особенно когда секретарь стал отрекаться от собственного имени, — мистер Роллз поддался низменному любопытству и быстро забыл своих святых и отцов церкви.

"Я не мог ошибиться, — думал он. — Это несомненно мистер Хартли. Но почему он был в таком плачевном виде? Почему он отрекался от своего имени? И какие у него могут быть дела с этим угрюмым негодяем — моим хозяином?"

Пока он раздумывал, его внимание привлекло другое странное обстоятельство. Лицо мистера Рэберна показалось в низком окне рядом с дверью, и его глаза случайно встретились с глазами мистера Роллза. Садовник, видимо, смутился, даже встревожился, а штора тотчас опустилась.

"Все это, может быть, и в порядке вещей, — размышлял мистер Роллз, даже совсем в порядке вещей, но, признаюсь откровенно, мне думается, тут что-то не так. Зачем им таиться, лгать, опасаться взглядов людских? Право же, эта подозрительная пара замышляет какое-то темное дело".

Сыщик, который живет в каждом из нас, проснулся в мистере Роллзе и принялся за работу. Проворными нетерпеливыми шагами, ничуть не похожими на его обычную походку, молодой священник обошел сад. Подойдя к месту вторжения Гарри, он сразу заметил сломанный розовый куст и следы ног на рыхлой земле. Он поглядел вверх и увидел царапины на кирпиче и клочки штанов, развевавшиеся на осколках стекла. Так вот, значит, каким путем предпочел войти близкий друг мистера Рэберна! Вот как секретарь генерала Венделера любовался цветником! Священник тихонько присвистнул и нагнулся, чтобы рассмотреть почву. Он догадался, где именно Гарри завершил свой отчаянный прыжок. Он признал в отпечатке плоской ступни след мистера Рэберна, глубоко вдавшийся в землю, когда тот поднимал секретаря за ворот. При более подробном осмотре он различил даже следы пальцев, как будто здесь что-то просыпали и старательно скребли по земле, собирая вновь.

"Честное слово, — подумал он, — дело становится весьма любопытным".

Тут он заметил какой-то предмет, почти засыпанный землей. В один миг он откопал изящный сафьяновый футляр с золоченым узором и застежкой. Его затоптали ногами, и поэтому мистер Рэберн второпях проглядел его. Мистер Роллз открыл футляр и чуть не задохнулся от изумления, близкого к ужасу. Ибо перед ним в гнездышке зеленого бархата лежал алмаз невероятной величины и наичистейшей воды. Он был с утиное яйцо, прекрасной формы и без единого изъяна; под лучами солнца он испускал свет, подобный электрическому, и, казалось, горел на ладони тысячами притаившихся в нем огней.

Мистер Роллз плохо разбирался в драгоценных камнях, но Алмаз Раджи был чудом и говорил сам за себя. Найди его деревенский мальчонка, он с криком бежал бы до ближайшего дома, а дикарь благоговейно простерся бы ниц перед таким удивительным фетишем. Красота этого камня ласкала взор молодого священника, мысль о его неисчислимой стоимости подавляла воображение. Он понимал, что ценность камня, который он держит в руке, превышает доход архиепископа за многие годы, что им можно оплатить постройку соборов, более пышных, чем соборы Эли или Кельна; что, овладев им, можно навеки освободиться от проклятия, тяготеющего над человечеством, и следовать своим склонностям, ни о чем не заботясь, никуда не торопясь, ни с кем не считаясь. Он нечаянно повернул камень: опять брызнули ослепительные лучи и словно пронзили его сердце.

Решительные действия часто совершаются мгновенно и без всякого воздействия со стороны рассудка. Так случилось и с мистером Роллзом. Он торопливо оглянулся вокруг, но, как прежде мистер Рэберн, увидел лишь залитый солнцем цветник, верхушки высоких деревьев да опущенные шторы в окнах дома. В мгновение ока он захлопнул футляр, сунул его в карман и с поспешностью преступника бросился к себе.

Преподобный Саймон Роллз украл Алмаз Раджи.

В тот же день явилась полиция вместе с Гарри Хартли. Садовник, вне себя от страха, без запирательств выложил свою добычу. Драгоценности были проверены и переписаны в присутствии секретаря. Сам мистер Роллз выказывал всяческую услужливость, охотно сообщил все ему известное и выразил сожаление, что больше ничем не может помочь полицейским в порученном им деле.

— Все же, — добавил он, — ваши хлопоты, вероятно, подходят к концу.

— Вовсе нет, — ответил сыщик из Скотланд-Ярда. Он рассказал о вторичном ограблении, жертвой которого так быстро стал Гарри, и описал молодому священнику самые дорогие из еще не найденных драгоценностей, особо остановившись на Алмазе Раджи.

— Он стоит, должно быть, целое состояние, — предположил мистер Роллз.

— Даже десять состояний, а то и двадцать! — воскликнул полицейский.

— Чем больше он стоит, — хитро заметил Саймон, — тем труднее его, наверное, сбыть. У такой вещи приметная внешность, ее не замаскируешь. Его, пожалуй, продать не легче, чем собор святого Павла.

— Ну, разумеется, — сказал полицейский. — Но если вор окажется человеком сообразительным и распилит алмаз на три-четыре части, ему все равно будет с чего разбогатеть.

— Благодарю вас, — сказал священник, — вы представить себе не можете, как мне было любопытно побеседовать с вами.

Сыщик заметил, что по роду занятий ему и в самом деле приходится узнавать много удивительного, и вскоре распрощался.

Мистер Роллз вернулся в свою комнату. Она показалась ему еще меньше и бедней обычного. Никогда материалы для его великого труда не казались ему такими скучными, и он презрительным взглядом окинул свою библиотеку. Он стал снимать с полки сочинения отцов церкви и проглядывать том за томом, однако в них не оказалось ничего подходящего.

"Эти старые джентльмены, — подумал он, — несомненно, писатели очень ценные, но, по-моему, явно ничего не смыслят в жизни. Я, например, при своей учености мог бы стать епископом, а положительно не представляю себе, как сбыть украденный алмаз. Кое-что мне подсказал простой полицейский, но все мои фолианты не могут меня научить, как применить его совет. Все это внушает человеку весьма низкое представление о пользе университетского образования".

Он пнул ногой книжную полку, надел шляпу, поспешно вышел из дому и отправился в клуб, членом которого состоял. В этом мирском заведении он рассчитывал встретить какого-нибудь рассудительного и умудренного жизненным опытом человека.

Он нашел в читальной комнате нескольких деревенских священников и одного архидьякона; трое журналистов и некий автор трудов по высшей метафизике играли на бильярде, а за обеденным столом он увидел только клубных завсегдатаев с их пошлыми, невыразительными лицами. Мистер Роллз понял, что в опасных делах никто из них не смыслит более его самого и что ему не найти среди

них себе советчика. Наконец, поднявшись по длинной крутой лестнице в курительную комнату, он застал там осанистого джентльмена, одетого с нарочитой простотой. Джентльмен курил сигару и листал "Двухнедельное обозрение". На его лице не было ни следа озабоченности или утомления, и что-то в его облике располагало к откровенности и вызывало желание подчиститься ему. Чем дольше молодой священник изучал его черты, тем более убеждался, что наткнулся на человека, способного дать дельный совет.

— Сэр, — сказал мистер Роллз, — простите мою бесцеремонность, но, судя по вашей наружности, вы, кажется, человек опытный в делах житейских.

— У меня и правда есть основания считаться таковым, — ответил незнакомец, откладывая в сторону журнал с таким видом, словно вопрос не только удивил, но и позабавил его.

— Я, сэр, — продолжал мистер Роллз, — затворник, склонный к ученым занятиям, привыкший иметь дело с чернильницами и с фолиантами отцов церкви. Недавно одно происшествие раскрыло мне глаза на мою неосведомленность во всем ином, и мне захотелось больше узнать о жизни. Я имею в виду не ту жизнь, — добавил он, — которая описана в романах Теккерея. Я желал бы больше узнать о преступлениях и о потайных силах нашего общества, желал бы научиться умно поступать в исключительных обстоятельствах. Читать я люблю; нельзя ли всему этому научиться по книгам?

— Вы ставите меня в трудное положение, — ответил незнакомец. — Признаюсь, я не великого мнения о пользе книг: они годны лишь на то, чтобы с ними скоротать время в вагоне. Хотя, пожалуй, имеется несколько весьма порядочных работ по астрономии, по сельскому хозяйству да несколько руководств, как пользоваться глобусом и изготавливать бумажные цветы. Но о других, скрытых областях жизни, боюсь, не написано ничего достоверного. Впрочем, постойте-ка, — прибавил он, — вы читали Габорио?^[1]

Мистер Роллз признался, что никогда даже не слышал такого имени.

— Вы могли бы найти кое-что у Габорио, — сказал незнакомец. — Он по крайней мере заставляет думать, а так как это любимый автор князя Бисмарка, вы на худой конец проведете время в приятной компании.

— Сэр, — сказал священник, — я бесконечно вам признателен за любезность.

— Вы меня с лихвой вознаградили, — заявил джентльмен.

— Чем же? — спросил Саймон.

— Необычностью своей просьбы, — ответил тот.

И, словно испрашивая разрешения у собеседника, он вежливо поклонился и опять взялся за "Двухнедельное обозрение".

По дороге домой мистер Роллз приобрел книгу о драгоценных камнях и несколько романов Габорио. Эти романы он жадно читал и перелистывал до самого позднего часа, однако — хотя и открыл в них много нового для себя — так и не узнал, что делать с украденным алмазом. К его досаде, оказалось, что нужные сведения были разбросаны по разным романтической историей, а не собраны строго все вместе, как делается в справочниках. Он вывел заключение, что автор добросовестно продумал свой предмет, но вовсе не владеет педагогическим методом. Однако характер и ловкость Лекока^[2] вызвали невольное восхищение священника.

"Вот поистине великий человек, — раздумывал мистер Роллз. — Он знал жизнь, как я знаю «Свидетельства» Пейли. Не было случая, чтобы даже в самых трудных обстоятельствах он собственной рукой не довел бы дела до конца".

— Боже мой! — вскричал вдруг мистер Роллз. — Разве это мне не урок? Не научиться ли мне самому резать алмазы?

Он решил, что нашел выход из своего затруднительного положения, и припомнил, что знает одного ювелира, некого Б. Маккэлока, жившего в Эдинбурге, который охотно возьмется обучить его своей профессии. Несколько месяцев, пусть даже несколько лет тяжелого труда, и у него хватит умения разделить на части Алмаз Раджи и ловкости в этом деле, чтобы выгодно продать его. После он может на досуге опять заниматься своими изысканиями, будет богатым, ученым, ни в чем себе не отказывающим и вызывающим у всех зависть и уважение.

Златые сны витали над ним всю ночь, и наутро он поднялся спозаранку, бодрый и в отличном расположении духа.

Как раз в этот день полиция предложила жильцам мистера Рэберна покинуть дом, и это давало мистеру Роллзу повод для отъезда. Он весело уложил свои вещи, перевез на вокзал Кингс-кросс; оставил в

камере хранения и вернулся в клуб, намереваясь провести там весь день и пообедать.

— Если вы сегодня обедаете здесь, Роллз, — сказал ему один знакомый, — то можете увидеть сразу двух замечательных людей Англии — принца Флоризеля Богемского и старого Джека Венделера.

— О принце я слышал, — ответил мистер Роллз, — а с генералом Венделером даже встречался в свете.

— Генерал Венделер — осел! — возразил собеседник. — Я говорю о его брате Джоне; он известный искатель приключений, лучший знаток драгоценных камней и один из — самых тонких дипломатов в Европе. Разве вы не слышали о его дуэли с герцогом де Вальдорж? А его подвиги в Парагвае, когда он был там жестоким диктатором! А как проворно он разыскал драгоценности сэра Самюэла Леви? А какие услуги были оказаны им правительству во время индийского мятежа — услуги, которыми оно воспользовалось, хотя не осмелилось открыто признать их? И вы его не знаете? Чего же стоит тогда людская слава, пусть даже позорная? Ведь Джон Венделер смело может претендовать на известность, хотя бы и недобрую. Бегите вниз, — прибавил он, — садитесь за столик рядом с ними и слушайте в оба уха. Я уверен, вы услышите много удивительного.

— Но как мне узнать их? — спросил священник.

— Узнать их! — вскричал его приятель. — Да ведь принц — изысканнейший джентльмен во всей Европе, единственный человек с внешностью короля. А что касается Джека Венделера, то вообразите себе Улисса в семидесятилетнем возрасте и со шрамом от сабельного удара через все лицо — это и будет он! Узнать их, подумать только! Да их легко найти среди толпы на скачках дерби!

Роллз сломя голову бросился в столовую. Как и утверждал его приятель, этих двоих нельзя было не заметить. Старый Джон Венделер отличался замечательно крепким телосложением и, видимо, привык сносить тяготы и лишения. У него не было особой повадки фехтовальщика, или моряка, или умелого всадника, но он напоминал и одного, и другого, и третьего вместе, словно в нем сказались самые различные привычки и навыки. Орлиные черты его дышали отвагой, выражение лица было надменное и хищное. Вся его внешность выдавала человека действия, горячего, отчаянного и неразборчивого в средствах. Густые седые волосы и глубокий сабельный шрам,

пересекавший нос и шедший к виску, придавали оттенок воинственности его лицу, и без того своеобразному и грозному.

В его собеседнике, принце Богемском, мистер Роллз с удивлением узнал джентльмена, который дал ему совет читать Габорио. Очевидно, принц Флоризель, редко посещавший клуб, почетным членом которого, как и многих других, он числился, поджидал там Джона Венделера, когда Саймон заговорил с ним накануне.

Другие обедавшие скромно расселись по углам, предоставляя обоим знаменитостям беседовать без помехи, но молодой священник не знал их, а потому, не особенно смущаясь, смело направился к ним и занял место за ближайшим столиком.

Все, о чем они говорили, было и в самом деле очень ново для нашего ученого. Экс-диктатор Парагвая вспоминал свои необычайные приключения в различных частях света, а принц изредка вставлял свои замечания, которые для вдумчивого человека были еще любопытней. Опыт двух различных людей раскрывался одновременно перед молодым священником. Он не знал, кем ему больше восхищаться, — человеком, привыкшим действовать с безрассудной смелостью, или тонким наблюдателем и знатоком жизни: один откровенно говорил о собственных делах и перенесенных опасностях, другой, подобно господу богу, знал все, не испытал ничего. Каждый из них держался в разговоре соответственно своей роли. Диктатор не скупился на резкие слова и жесты, то сжимая, то разжимая кулак, тяжело опускал его на стол, и речь его была громкой и напористой. Принц, наоборот, казался подлинным образцом вежливой уступчивости и спокойствия; чуть заметное его движение, оттенок голоса были выразительней, чем все выкрики и жесты его собеседника. А если ему случалось, и, может быть, довольно часто, описывать собственные приключения, он умел не подчеркивать своего участия в них, и они ничем не выделялись среди других.

Под конец разговор зашел о недавних ограблениях и об Алмазе Раджи.

— Этому камню лучше быть на дне морском, — заметил принц Флоризель.

— Вы сами понимаете, ваше высочество, что мне, как одному из Венделеров, трудно с этим согласиться, — возразил диктатор.

— Я говорю с точки зрения общественного благоразумия, — продолжал принц. — Таким ценным вещам место в коллекции короля или в сокровищнице великого народа. Пустить их по рукам простых смертных — значит вводить добродетель в искушение. Если кашгарский раджа — властитель, как я понимаю, весьма просвещенный — пожелал бы отомстить европейцам, он не мог бы скорее достигнуть своей цели, как послав им это яблоко раздора. Ничья честность не устоит перед таким соблазном. Попади ко мне в руки этот обольстительный камень, я не поручился бы за себя самого, хотя у меня много своих привилегий и обязанностей. Вы же охотник за алмазами по склонности и образу жизни, и я не верю, чтобы в списках Ньюгейтской тюрьмы нашлось такое преступление, какого вы не совершили бы, — не верю, чтобы у вас был на свете друг, которого вы не поспешили бы предать, мне неизвестно, есть ли у вас, семья, но если есть, я уверен, вы пожертвовали бы детьми, — и все это ради чего же? Не для того, чтобы стать богаче, не для того, чтобы сделать свою жизнь приятней или добиться почета, но просто для того, чтобы год-другой, пока не придет смерть, владеть Алмазом Раджи и по временам открывать сейф и любоваться этим камнем, как любят картину.

— Это верно, — ответил Венделер. — За чем я только не охотился — и за мужчинами, и за женщинами, и даже за москитами! Я нырял в море за кораллами, гонялся за китами и за тиграми, но алмаз — самая завидная добыча на свете. Он обладает и красотой и ценностью, он один может по-настоящему вознаградить охотника за все его труды. Я и сейчас, как вы, ваше высочество, может быть, догадываетесь, иду по горячему следу. У меня верное чутье, обширный опыт. Я знаю все ценные камни в коллекции моего брата, как пастух знает своих овец, и пусть я погибну, если не разыщу их все до единого!

— Сэр Томас Венделер очень обрадуется вашей удаче, — сказал принц.

— Я не так уж в этом уверен, — заявил диктатор с усмешкой. — Порадуется один из Венделеров, а Томас или Джон, Петр или Павел, не все ли равно? Все мы апостолы одной веры.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — брезгливо сказал принц.

Тут лакей сообщил мистеру Венделеру, что его кеб ожидает у подъезда.

Мистер Роллз взглянул на часы и увидел, что ему тоже пора идти. Такое совпадение неприятно поразило его: ему не хотелось больше встречаться с охотником за алмазами.

Так как нервы молодого человека были расшатаны слишком усердными научными занятиями, он обычно предпочитал путешествовать с удобствами и на этот раз заказал себе место в спальном вагоне.

— Вас здесь никто не потревожит, — сказал ему проводник, — в вашем отделении больше никого нет, а в другом конце вагона едет только еще один пожилой джентльмен.

Подходило время отправления, и уже проверяли билеты, когда мистер Роллз увидел этого второго пассажира, направлявшегося к своему месту в сопровождении нескольких носильщиков. И поистине мистер Роллз предпочел бы ему кого угодно, ибо то был старый Джон Венделер, экс-диктатор.

Спальные вагоны Северной магистрали делились тогда на три отделения: по одному с каждого конца для пассажиров и одно — посередине, где помещался туалет. Раздвижные двери отделяли его от пассажиров, но так как двери были без засовов и замков, то весь вагон оказывался в общем пользовании.

Изучив свои позиции, мистер Роллз понял, что он здесь совершенно незащищен. Если бы ночью диктатор вздумал явиться с визитом, Роллзу оставалось бы только принять его. У него не было никаких средств обороны, он ничем не мог прикрыться от нападения врага, как если бы находился в открытом поле. Такое положение внушало ему сильнейшее беспокойство. Он с тревогой припоминал бахвальство своего попутчика и его цинические признания за обеденным столом, вызвавшие недовольство принца. Он где-то читал, будто бывают люди, одаренные удивительным чутьем на драгоценные металлы. Говорят, они способны угадывать присутствие золота через стены, и притом на значительном расстоянии. "А вдруг это относится и к драгоценным камням? — подумал он. — И если так, кому же и обладать такой таинственной силой, как не человеку, который с гордостью носит прозвище "охотника за алмазами"?" Роллз понимал, что от подобной личности можно ожидать чего угодно, и страстно мечтал о наступлении дня.

Все же, не желая пренебрегать никакими мерами предосторожности, он запрятал свой алмаз в самый глубокий внутренний карман и благочестиво вручил себя заботам провидения.

Поезд шел своим обычным ровным скорым ходом, и почти половина пути оказалась позади, когда сон все-таки начал побеждать душевную тревогу мистера Роллза. Некоторое время он боролся с дремотой, но она одолевала его все больше и больше. Наконец, уже подъезжая к Йорку, он вынужден был растянуться на одном из диванов, и веки его сомкнулись. Сон почти мгновенно овладел молодым священником. Последняя его мысль была о страшном соседе.

Когда мистер Роллз проснулся, было еще темным-темно и только чуть мерцал слабый свет ночника. Судя по качке и незатихавшему грохоту колес, поезд шел с прежней скоростью. Роллз в ужасе приподнялся и сел: его мучили тревожные сны. Прошло несколько секунд, пока к нему вернулось самообладание. Потом он опять вытянулся на постели, но уже не мог заснуть. Охваченный страшным возбуждением, он лежал без сна, уставясь открытыми глазами на дверь туалетного отделения. Он надвинул свою круглую фетровую шляпу пониже на лоб, чтобы не мешал свет, считал до тысячи, старался ни о чем не думать и применял все ухищрения, которыми страдающие бессонницей люди пытаются привлечь к себе дремоту. Но никакие средства не помогали мистеру Роллзу. Его терзали различные опасения, старик, ехавший на другом конце вагона, являлся ему в самых угрожающих образах, да и сам алмаз в кармане, как Роллз ни пробовал улечься, причинял ощутимую физическую боль. Он жег, мешал, впивался в ребра, и в иные доли мгновения у молодого священника мелькала мысль вышвырнуть алмаз за окошко.

Пока он так лежал, случилось странное происшествие.

Дверь в туалетное отделение чуть качнулась, затем еще и еще немного и наконец сдвинулась в сторону дюймов на двадцать. Лампочка позади не была затенена, и в открывшейся освещенной щели мистер Роллз увидел голову мистера Венделера. В лице его выражалось напряженнейшее внимание. Мистер Роллз почувствовал, что диктатор разглядывает его. Инстинкт самосохранения принудил Роллза задержать дыхание, лежать недвижно и, прикрыв глаза, следить за своим гостем из-под ресниц. Прошло около минуты, голова исчезла, и дверь туалетного отделения стала на место.

Диктатор приходил, очевидно, не с враждебными целями, а только для разведки. В его действиях не было ничего угрожающего, скорее, он сам опасался чего-то. Если мистер Роллз боялся его, то, по-видимому, диктатор, в свою очередь, не был так уж спокоен насчет мистера Роллза. Наверно, Венделер приходил, чтобы увериться, спит ли его единственный попутчик, и, уверившись, сразу удалился.

Священник вскочил на ноги. Его безумный страх сменился приступом безрассудной смелости. Он подумал, что дребезжание летящего поезда заглушит все другие звуки, и — будь что будет — решил пойти с ответным визитом. Сбросив плащ, чтобы он не стеснял свободы движений, мистер Роллз вышел в туалетное отделение и подождал немного, прислушиваясь. Как он и предвидел, за грохотом поезда ничего нельзя было расслышать. Взявшись за край двери, он осторожно отодвинул ее дюймов на шесть и застыл, не в силах сдержать возгласа изумления.

На Джоне Венделере была дорожная меховая шапка с ушами, и, вероятно, наряду с шумом экспресса она мешала ему слышать, что делалось рядом. Так или иначе, но он не поднял головы и, не отрываясь, продолжал свое странное занятие. Между колен у него стояла открытая шляпная коробка, одной рукой он придерживал рукав своего дорожного пальто из тюленьей шкуры, в другой у него был острый нож, которым он вспарывал подкладку рукава. Мистер Роллз читал, будто деньги иногда хранят в поясе, но так как был знаком только с обычными ремешками, то никак не мог толком представить себе, как это делается. Теперь перед ним происходило нечто еще более странное: Джон Венделер, оказывается, хранил драгоценные камни в подкладке своего рукава, и на глазах у молодого священника сверкающие бриллианты один за другим падали в коробку.

Он стоял, словно пригвожденный к месту, и не мог оторваться от этого удивительного зрелища. Бриллианты были большей частью мелкие и не отличались ни формой своей, ни игрой. Вдруг диктатору встретилось в работе какое-то затруднение. Он запустил в рукав обе руки и склонился еще ниже. Однако ему пришлось потрудиться, прежде чем он извлек из подкладки большую бриллиантовую диадему, несколько секунд подержал ее на ладони, рассматривая, и только затем опустил в коробку. Диадема все объяснила мистеру Роллзу: он тотчас признал в ней одну из драгоценностей, украденных у Гарри Хартли

бродягой. Тут нельзя было ошибиться; сыщик именно так и описывал ее: вот рубиновые звезды с большим изумрудом посредине, вот переплетенные полумесяцы, а вот грушевидные подвески из цельного камня, придававшие особую ценность диадеме леди Венделер.

У мистера Роллза отлегло от сердца. Диктатор был запутан в эту историю не меньше его самого. Ни один из них не мог донести на другого. Охваченный неожиданной радостью, священник не удержал глубокого вздоха, а так как он почти задышался от волнения и горло у него пересохло, то вздох вызвал кашель.

Мистер Венделер поднял голову. Его лицо исказилось ужасной, смертельной злобой, глаза широко открылись, челюсть отвисла от изумления, граничившего с бешенством. Инстинктивным жестом он прикрыл шляпную коробку полрой пальто. С полминуты оба молча смотрели друг на друга. Пауза была коротка, однако мистеру Роллзу и ее оказалось достаточно: он был из тех, кто в опасные моменты соображает быстро. Он принял чрезвычайно дерзкое решение; и, понимая, что ставит свою жизнь на карту, он все-таки первым нарушил молчание.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он.

Диктатор вздрогнул и хрипло сказал:

— Что вам здесь надо?

— Я очень интересуюсь алмазами, — с полным самообладанием ответил мистер Роллз. — Двум таким любителям следует познакомиться. Со мной здесь один пустячок, который, надеюсь, послужит мне рекомендацией.

С этими словами мистер Роллз спокойно вынул из кармана футляр, дал взглянуть диктатору на Алмаз Раджи и снова спрятал его подальше.

— Он принадлежал раньше вашему брату, — прибавил он.

Джон Венделер смотрел на священника с каким-то горестным изумлением, но не шелохнулся и не сказал ни слова.

— Мне приятно отметить, — закончил молодой человек, — что у нас драгоценности из одной коллекции.

Удивление диктатора наконец вырвалось наружу.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я, кажется, старею. Мне явно не под силу даже мелкие происшествия вроде этого! Но разъясните

мне хоть одно: вы в самом деле священник или меня обманывают мои глаза?

— Я лицо духовного звания, — ответил мистер Роллз.

— Ну, знаете, — воскликнул Венделер, — пока я жив, не позволю при себе и слова сказать против вашего сословия!

— Вы мне льстите, — сказал мистер Роллз.

— Простите меня, — сказал, в свою очередь, Венделер, — простите меня, молодой человек. Вы не трус, но надо еще проверить: может быть, вы просто круглый дурак?.. Не откажите в любезности, — продолжал он, откидываясь на спинку дивана, — объясниться подробнее! Приходится предположить, что в ошеломляющей дерзости вашего поведения что-то кроется, и, признаюсь, мне любопытно узнать, что именно.

— Все это очень просто, — ответил священник. — За моей дерзостью кроется моя великая житейская неопытность.

— Хотелось бы убедиться в этом, — сказал Венделер.

Тогда мистер Роллз рассказал ему всю историю своего знакомства с Алмазом Раджи с той самой минуты, как нашел его в саду Рэберна, и до своего отъезда из Лондона на "Летучем шотландце". Затем вкратце описал свои чувства и мысли во время путешествия и закончил следующими словами:

— Узнав бриллиантовую диадему, я понял, что мы в одинаковых отношениях с обществом. Это внушает мне надежду — которую, хочу думать, вы не назовете безосновательной, — что вы сочтете возможным некоторым образом разделить со мною мои трудности и, конечно, барыши. При ваших специальных познаниях и, несомненно, большом опыте сбыть алмаз для вас не составит особого труда, а для меня это — дело непосильное. С другой стороны, я рассудил, что, если распилю алмаз, то могу потерять почти столько же — такая неудача вполне возможна при отсутствии умения, — сколько я потеряю, с подобающей щедростью расплатившись с вами за помощь. Вопрос этот деликатный, а я, пожалуй, оказался недостаточно деликатным. Но прошу вас не забывать, что мне это положение внове и что я совершенно незнаком с принятым в таких случаях этикетом. Не хвалясь скажу, что могу любого обвенчать или окрестить вполне пристойно. Однако каждый ограничен своими возможностями: совершать такого рода сделки я вовсе не умею.

— Не хочу вам льстить, — ответил Венделер, — но, честное слово, у вас необыкновенные способности к преступной жизни. Вы гораздо талантливей, чем вам кажется, и хотя в различных частях света я перевидал много мошенников, я еще не встречал ни одного, который стеснялся бы так мало, как вы. Поздравляю, мистер Роллз, наконец-то вы нашли свое призвание! Что касается помощи, я весь к вашим услугам. Мне надо пробыть в Эдинбурге всего один день, я обещал брату уладить там кое-что. Покончив с этим, я поеду в Париж, где живу постоянно. Если хотите, можете ехать со мной, и, надеюсь, не пройдет и месяца, как я приведу ваше дельце к благополучному завершению.

Здесь вопреки всем правилам искусства наш арабский автор обрывает повесть о молодом человеке духовного звания. Как ни досадно, приходится следовать подлиннику, и за окончанием приключений мистера Роллза я отсылаю читателя к следующей истории цикла — к повести о доме с зелеными ставнями,

ПОВЕСТЬ О ДОМЕ С ЗЕЛЕНЬМИ СТАВНЯМИ

Френсис Скримджер, клерк Шотландского банка в Эдинбурге, до двадцати пяти лет жил в мирной и почтенной обстановке. Его мать умерла, когда он был еще совсем мал, но отец, человек разумный и честный, определил его в отличную школу, а дома воспитывал в духе порядка и непритязательности. Френсис, от природы мягкий, послушный и любящий, с великим рвением использовал преимущества своего образования и воспитания и всецело посвятил себя работе. Единственными его развлечениями были прогулки по субботним дням, изредка парадный обед в семейном кругу да раз в год поездка на две недели в горы Шотландии или даже в Европу. Он быстро завоевывал благоволение начальства и получал уже двести фунтов в год, с надеждой на дальнейшее повышение по службе и на жалованье, вдвое превышающее эту сумму. Редкий молодой человек был так доволен всем, так трудолюбив и старателен, как Френсис Скримджер. Иногда, по вечерам, дочитав газету, он играл на флейте, чтобы порадовать отца, которого глубоко уважал за его высокие качества.

Однажды Френсис получил письмо из хорошо известной адвокатской конторы, в котором выражалась просьба безотлагательно зайти к ним. На письме имелась пометка "В собственные руки", и оно было адресовано на банк, а не домой; оба эти необычные обстоятельства заставили его с тем большей готовностью явиться на зов. Глава конторы, человек весьма строгий в обхождении, важно приветствовал его, пригласил садиться и в осторожных выражениях, принятых у бывалых дельцов, приступил к разъяснению вопроса. Некто, пожелавший остаться неизвестным, но о ком адвокат имел все основания хорошо отзываться, короче говоря, человек, занимающий высокое положение, пожелал выдавать Френсису по пятьсот фунтов ежегодно. Стряпчий сказал, что деньги будут находиться в ведении конторы и двух доверенных, имена которых тоже не могут быть раскрыты. Этот щедрый жест сопровождался некоторыми условиями,

и стряпчий придерживался мнения, что его новый клиент не найдет в них ничего чрезмерно трудного или недостойного для себя. Он с ударением повторил эти слова, как бы не желая говорить ничего больше.

Френсис спросил, что это за условия.

— Условия, — сказал стряпчий, — как я уже заметил дважды, не заключают в себе ничего чрезмерно трудного или недостойного. В то же время, не стану скрывать от вас, они очень необычны. Мы за подобные дела обыкновенно не беремся, и я, конечно, отказался бы и от этого, если бы не имя джентльмена, который обратился ко мне, и — дозвоьте прибавить, мистер Скримджер, — если бы не мое расположение к вам, вызванное многими лестными и, несомненно, вполне заслуженными о вас отзывами.

Френсис попросил его высказаться определеннее.

— Вы не можете представить себе, как меня беспокоят эти условия, сказал он.

— Их два, — ответил адвокат, — только два, а сумма, напомним вам, пятьсот фунтов в год, и к тому же без налогов, как чуть не забыл я сообщить, — безо всяких налогов.

Тут адвокат многозначительно поднял брови.

— Первое условие, — начал он, — чрезвычайно простое. Вам надлежит быть в воскресенье, пятнадцатого, к вечеру, в Париже. Там, в кассе Французской комедии, вы получите билет, взятый на ваше имя и отложенный для вас. От вас требуется просидеть весь спектакль на месте, обозначенном в билете, вот и все.

— По правде сказать, я предпочел бы будний день, — ответил Френсис. Но в конце концов один-то раз...

— И притом в Париже, дорогой сэр, — подхватил адвокат успокоительно. — Я, признаться, и сам человек строгих правил, но при таких обстоятельствах, да еще зная, что это будет в Париже, я не колебался бы ни минуты.

И оба весело рассмеялись.

— Другое условие — более серьезное, — продолжал стряпчий. — Оно касается вашей женитьбы. Мой клиент, сердечно заботясь о вашем благополучии, желает оставить за собой решающее слово в выборе жены для вас. Решающее, — повторил он, — вы понимаете?

— Давайте будем говорить яснее, — заявил Френсис. — Это значит, что я должен жениться на вдове или девице, черной или белой, на ком угодно, кого только ни вздумает предложить мне эта невидимая личность?

— Мне поручено заверить вас, что в основу выбора ваш благодетель намерен положить соответствие возраста и положения, — ответил адвокат. Что касается цвета кожи, мне такое затруднение не приходило в голову, и я не подумал об этом спросить. Но, если вы хотите, я сейчас же сделаю себе заметку и при первой возможности сообщу вам ответ.

— Сэр, — сказал Френсис, — теперь остается только проверить, не является ли все это просто каким-нибудь жульничеством. Случай необъяснимый, я чуть не сказал: невероятный. Пока я немножко не разберусь в нем и не обнаружу, что послужило ему причиной, мне, признаюсь, не хотелось бы давать согласие. Поэтому я прошу вас о разъяснениях. Мне нужно знать, в чем здесь суть. Если же вы ничего не знаете, не можете догадаться или не имеете права сказать мне, я надеваю шляпу и отправляюсь к себе в банк.

— Я не знаю, — ответил адвокат, — но, кажется, догадываюсь. Это на первый взгляд несуразное дело затеял не кто другой, как ваш отец.

— Мой отец! — негодуяюще вскричал Френсис. — Почтеннейший, я знаю наперечет все, что у него на уме и в кошельке!

— Вы неверно толкуете мои слова, — сказал адвокат. — Я говорю не о мистере Скримджере-старшем, ибо он не отец вам. Когда он и его жена прибыли в Эдинбург, вам было уже около года, но вы находились на их попечении только месяца три. Тайну сохранили хорошо, но дело обстоит именно так. Кто ваш отец — неизвестно, однако, повторяю, я убежден, что предложения, каковые в настоящее время я уполномочен вам передать, исходят от него.

Невозможно описать, как потрясен был Френсис Скримджер столь неожиданным открытием. Он не утаил своего смятения от адвоката.

— Сэр, — сказал он, — после таких поразительных известий вы должны дать мне несколько часов на размышления. Сегодня вечером я вам сообщу, на чем я порешил.

Адвокат согласился, что так будет благоразумнее, и Френсис, под каким-то предлогом покинув банк, отправился пешком далеко за город и во время прогулки тщательно обдумал вопрос во всех подробностях

и со всех точек зрения. Приятное сознание значительности собственной персоны побуждало его не спешить с решением, однако с самого начала было ясно, чем все это кончится. Грешная человеческая природа непреодолимо тянулась к пяти сотням фунтов и склоняла его принять странные условия, которые были сопряжены с ними. Он обнаружил в своей душе непобедимое отвращение к имени Скримджер, хотя до сих пор это имя никогда не бывало ему противно. Интересы его прежней жизни показались ему узкими и прозаическими. Наконец он откинул последние сомнения и, окрыленный неведомым раньше чувством силы и свободы, повернул в город, теша себя самыми радостными предчувствиями.

Он коротко переговорил с адвокатом и немедленно получил чек на деньги за полгода, так как пособие начислялось задним числом — с первого января. С чеком в кармане он отправился домой. Квартира на Скотланд-стрит показалась ему неказистой, в нос неприятно ударил запах перловой похлебки, и он с удивлением, почти с досадой заметил кое-какие недостатки в манерах своего приемного отца. Завтра утром, решил Френсис, он будет уже на пути в Париж.

Он прибыл туда задолго до назначенного срока, поселился в скромной гостинице, где останавливались обычно англичане и итальянцы, и начал совершенствоваться во французском языке. С этой целью он дважды в неделю брал уроки, вступал в разговоры с гуляющими на Елисейских полях и каждый вечер ходил в театр. Он обновил свой гардероб, оделся по последней моде и каждое утро брился и причесывался в парикмахерской, находившейся неподалеку. Все это придавало ему вид иностранца и, казалось, стирало унижительное прошлое.

Наконец в субботу вечером он отправился в билетную кассу театра на улице Ришелье. Едва он назвал свое имя, как кассир протянул ему билет в конверте с еще не успевшей просохнуть надписью.

— Его только что купили для вас, — сказал кассир.

— В самом деле? — воскликнул Френсис. — Могу я спросить, каков был с виду джентльмен, купивший его?

— Вашего приятеля описать легко, — ответил кассир. — Он стар, крепок и красив собой, у него седые волосы и рубец от сабельного удара поперек лица. Такого приметного человека трудно не узнать.

— Да, конечно, — промолвил Френсис. — Благодарю вас за любезность.

— Он не мог уйти далеко, — прибавил кассир. — Если вы поспешите, то еще нагоните его.

Френсиса не надо было просить дважды; он стремительно бросился из театра на улицу и стал осматриваться по сторонам. Он увидел немало седых людей, но, хотя догнал и осмотрел каждого, ни у одного не было рубца от сабельного удара. С полчаса бегал он по всем соседним улицам, но наконец понял нелепость своих затянувшихся поисков. Тогда он решил пройтись, чтобы унять волнение, ибо возможность встречи с тем, кому он, очевидно, был обязан появлением на свет, глубоко потрясла молодого человека.

Случилось так, что его путь лежал по улице Друо, а дальше — по улице Великомучеников, и как раз случай помог ему больше, чем все заранее обдуманые планы. Ибо на бульваре он увидел двух сидевших на скамейке мужчин, погруженных в беседу. Один был темноволос, молод и красив, но с явным клерикальным отпечатком во внешности, несмотря на мирское платье. Наружность другого во всех подробностях совпадала с описанием, которое дал кассир. Френсис почувствовал, как сердце забилося у него в груди: он понял, что вот-вот услышит голос своего отца. Обойдя кругом, он тихонько уселся позади собеседников, которые были слишком заняты своим разговором, чтобы глядеть по сторонам.

Как Френсис и предполагал, они говорили по-английски.

— Ваши подозрения, Роллз, начинают надоедать мне, — сказал старик. Говорю вам, я стараюсь изо всех сил: миллионов в один миг не раздобудешь. Разве я не забочусь о вас, совершенно незнакомом человеке, из чистого доброжелательства? Разве вы не живете главным образом на мои подачки?

— На ваши авансы, мистер Венделер, — поправил его собеседник.

— Ну, авансы, если вам так нравится, и из расчета, а не "из доброжелательства", если вы предпочитаете, — сердито ответил Венделер. — Я пришел не для того, чтобы подбирать выражения. Дело есть дело. А ваше дело, разрешите напомнить, дело темное, и нечего вам так ломаться. Доверьтесь мне или оставьте меня в покое и ищите себе другого, но, во всяком случае, прекратите, ради бога, свои иеремиады.

— Я начинаю разбираться в жизни, — ответил молодой человек. — И понимаю, что у вас есть все основания обманывать меня и никаких, чтобы действовать честно.

Я тоже пришел не для того, чтобы подбирать выражения. Вы сами хотите завладеть алмазом, — да, да, вы не посмеете этого отрицать. Разве вы уже не подделали однажды мою подпись и не перерыли мою комнату, пока меня не было? Мне понятны причины ваших проволочек: вы просто выжидаете. Вы ведь охотник за алмазами и надеетесь раньше или позже, правдой или неправдой, а прибрать его к рукам. Говорю вам: пора этому положить конец. Не доводите меня до крайности, не то я обещаю вам неприятный сюрприз.

— Бросьте вы мне угрожать, — отрезал Венделер. — За мной ведь по части сюрпризов тоже дело не станет. Мой брат сейчас в Париже. Полиция настороже. Если вы будете и дальше надоедать мне своим нытьем, мистер Роллз, я сам устрою вам неприятность. Но уж это будет первая и последняя, понимаете? Как еще с вами разговаривать? Всему бывает конец, приходит конец и моему терпению. Во вторник, в семь. Ни днем, ни часом, ни секундой раньше, хоть умрите. А если не хотите ждать, то, по мне, проваливайте ко всем чертям!

С этими словами диктатор поднялся со скамейки и, яростно размахивая тростью и дергая головой, зашагал по направлению к Монмартру, а его собеседник остался на месте в совершенном унынии.

Френсис не мог опомниться от изумления и ужаса. Чувства его были в полном смятении. Нежность, наполнявшая его сердце, когда он усаживался на этой скамейке, сменилась отвращением и отчаянием. "Старый мистер Скримджер, — раздумывал он, — родитель куда более добрый и благопристойный, чем этот бешеный и опасный интриган". Однако он все же сохранил самообладание: минуты не прошло, как Френсис уже шел следом за диктатором.

Подгоняемый яростью, этот последний неся вперед быстрыми шагами, и, занятый своими злобными мыслями, ни разу не оглянулся, пока не добрался до своих дверей.

Его дом стоял на улице Лепик, в той части ее, что взбирается на холм. Отсюда открывался вид на Париж, воздух на высоте был чист и прозрачен. Дом был двухэтажный, с зелеными ставнями и шторами. Все окна, выходявшие на улицу, были плотно закрыты. Над высокой садовой стеной возвышались верхушки деревьев, а по гребню стены

торчали железные шипы. Диктатор на миг задержался, пошарил в кармане, достал ключ, затем отомкнул калитку и исчез за оградой.

Френсис поглядел вокруг. Место было уединенное, дом с трех сторон был окружен садом. Казалось, наблюдения Френсиса на этом закончатся. Однако, осмотревшись, он заметил рядом высокий дом, примыкавший боковой стеной к саду диктатора; в стене под самой крышей было одно окошко. Он подошел к входной двери и увидел билетик с объявлением о сдаче ежемесячно комнат без мебели. Комната, выходящая окном в сад, оказалась свободной. Френсис не колебался ни минуты: он снял комнату, оставил задаток и отправился в гостиницу за своими вещами.

Может быть, тот старик со шрамом и не приходился отцом ему, может быть, Френсис и не шел по верному следу, но, уж во всяком случае, он стоял у преддверия какой-то волнующей тайны и поэтому дал себе зарок не ослаблять наблюдения, пока не доберется до сути.

Из окна своего нового жилища Френсис Скримджер мог окинуть взглядом весь сад при доме с зелеными ставнями. Прямо под ним в тени прекрасного раскидистого каштана стояли два садовых столика; на них, вероятно, обедали в летнюю жару. Густая листва скрывала все, что было внизу, и лишь в одном просвете между столиками и домом виднелась усыпанная гравием дорожка, которая вела от веранды к калитке.

Рассматривая сад в щели между планками жалюзи, которые он не решался открыть из боязни привлечь внимание, Френсис мог заметить лишь немного, что позволило бы судить о живущих здесь людях, но это немного говорило только об их замкнутом характере и склонности к уединению. Сад походил на монастырский, дом — на тюрьму. По фасаду все зеленые ставни были опущены; дверь на веранду заперта; сад, освещенный вечерним солнцем, совершенно безлюден. И только скромный завиток дыма над единственной трубой указывал на присутствие живых людей.

Чтобы не сидеть совсем без дела и хоть чем-нибудь скрасить себе жизнь, Френсис купил учебник геометрии на французском языке и стал его списывать и переводить, положив на чемодан и усевшись на полу спиной к стене, потому что у него не было ни стула, ни стола. Время от времени он вставал и бросал взгляд вниз, за ограду дома с

зелеными ставнями, но окна были все так же упорно закрыты, а сад пуст.

Только поздно вечером случилось нечто, отчасти вознаградившее его за длительное ожидание. Между девятью и десятью часами его пробудил от дремоты резкий звук колокольчика. Френсис подскочил к своему наблюдательному посту как раз вовремя, чтобы услышать внушительный грохот отпираемых замков и отодвигаемых засовов и увидеть, как мистер Венделер с фонарем в руке, в просторном халате черного бархата и такой же шапочке появился на веранде и неторопливо прошествовал к садовой калитке. Снова загремели замки и задвижки, и мгновение спустя в неверном свете фонаря Френсис увидел, что диктатор ведет в дом какого-то субъекта самого подлого и мерзкого вида.

Спустя полчаса посетитель был выпущен на улицу, а мистер Венделер, поставив фонарь на один из садовых столиков, не спеша докуривал сигару под листвою каштана. В просветы между ветвями Френсис мог следить за движениями диктатора, когда тот стряхивал пепел или глубоко затягивался. Френсис заметил, что чело старика затуманено, а рот судорожно кривится: все это свидетельствовало о напряженном и, может быть, тягостном течении мыслей. Он уже почти докурил сигару, когда из дома донесся молодой женский голос, — старику сообщили, который час.

— Иду, иду, — ответил Джон Венделер.

Сказав это, он бросил окурок и, захватив фонарь, проследовал через веранду и направился в дом. Едва дверь захлопнулась, дом погрузился во тьму, и, как Френсис ни напрягал зрение, он не мог заметить ни щелочки света под шторами и сделал отсюда вполне здравый вывод, что все спальни находятся по другую сторону дома.

Рано утром (потому что, проведя беспокойную ночь на полу, Френсис проснулся очень рано) ему пришлось изменить свое заключение. Одна за другою при помощи пружины, которую нажимали изнутри, зеленые ставни взлетели вверх, и за ними обнаружались стальные шторы, какие бывают в витринах магазинов. Они, в свою очередь, поднялись тоже, и на протяжении почти часа в комнаты был открыт доступ свежему воздуху. Затем мистер Венделер своей рукой опустил стальные шторы и закрыл зеленые ставни.

Пока Френсис дивился таким предосторожностям, дверь вдруг распахнулась и из дома вышла молодая девушка. Не прошло и двух минут, как, оглядев сад, она снова ушла в дом, но даже за это короткое время — он успел убедиться в ее необычайной привлекательности. Это событие не только подстегнуло его любопытство, но и сильно улучшило настроение. Странные действия и явно двусмысленный образ жизни его отца с этого мгновения перестали тревожить его. С этого мгновения он горячо полюбил свою новую семью. Окажется ли эта молодая девушка его сестрой или станет ему женой, он все равно был уверен наперед, что она ангел во плоти. И чувство это было так сильно, что его даже охватил страх, когда он подумал, что ничего толком не знает и что, может быть, по ошибке последовал за мистером Венделером, приняв его за отца.

Привратник, к которому обратился Френсис, мог сообщить очень мало, но все, что ему было известно, носило таинственный и подозрительный характер. В соседнем доме жил англичанин, чрезвычайно богатый и, как водится, эксцентричных вкусов и привычек. Он владел огромными коллекциями, которые хранил у себя в доме. Для того, чтобы уберечь их, он и оборудовал дом стальными шторами и сложными замками, а садовую стену велел утыкать железными шипами. Он жил уединенно, хотя его посещали неведомые люди, с которыми он, по-видимому, вел разные дела. В доме, кроме него самого, жила только мадемуазель да старая служанка.

— Мадемуазель приходится ему дочерью? — любопытствовал Френсис.

— Разумеется, — ответил привратник. — Мадемуазель — дочь хозяина дома, и я удивляюсь, что ее заставляют так трудиться. При всем его богатстве на рынок ходит она сама, и каждый день видишь, как она идет мимо с корзинкой в руке.

— А что у него за коллекции? — спросил молодой человек.

— Сэр, — ответил привратник, — они огромной ценности. Больше я ничего не могу вам сказать. Мистер Венделер, с тех пор как приехал, даже на порог не пускает никого из соседей.

— Но ведь вы, наверное, догадываетесь, — сказал Френсис, — из чего состоят эти пресловутые коллекции? Что же там: картины, шелка, статуи или драгоценности?

— Ей-ей, сударь, — сказал парень, пожимая плечами. — Откуда мне знать? Может, у него там репа с морковью. Дом устроен словно крепость, сами видите.

Но когда разочарованный Френсис направился к себе, привратник снова окликнул его.

— Я вот что припомнил, сэр, — сказал он, — мсье де Венделер объехал весь свет, и я слышал однажды, как старуха хвалилась, будто он привез с собой уйму алмазов. Если это правда, там, за этими ставнями, есть на что посмотреть.

В воскресенье задолго до начала спектакля Френсис уже сидел в театре. Взятое для него кресло оказалось третьим или четвертым с левой стороны, напротив одной из нижних лож. Кресло, наверное, выбрали с умыслом. Оставалось разгадать, с каким именно. Инстинктивно Френсис решил, что ложа направо от него должна быть так или иначе связана с событиями, в которых он играл неясную ему роль. Она и в самом деле была так расположена, что, сидя в самой глубине, занимавшие ее люди могли при желании рассматривать его в течение спектакля, не опасаясь наблюдения с его стороны. Он дал себе слово ни на минуту не упускать пустую ложу из поля зрения и, разглядывая театр или делая вид, будто увлечен происходящим на сцене, все время искоса посматривал на нее.

Шел второй акт. Когда он уже приближался к концу, дверь ложи отворилась и двое зрителей вошли и уселись в темной глубине ее. Френсис с трудом скрыл волнение: это были мистер Венделер и его дочь. Кровь стремительно мчалась по жилам Френсиса, в ушах звенело, голова кружилась. Он не смел оглянуться, чтобы не навлечь на себя подозрений. Театральная программа, которую он читал и перечитывал с начала до конца и с конца до начала, из белой стала казаться ему красной, когда же он поглядывал на сцену, та словно уходила куда-то далеко, а голоса и движения актеров представлялись ему нелепыми и бессмысленными до последней степени.

Время от времени он осмеливался бросить взгляд в направлении, наиболее его интересовавшем. И, уж во всяком случае, один раз глаза его определенно встретились с глазами молодой девушки. Тут у него дрожь пробежала по телу и перед глазами поплыли круги всех цветов радуги. Много бы он дал, лишь бы подслушать, что происходит между Венделерами! Много бы он дал, чтоб, набравшись храбрости, взять

бинокль и спокойно рассмотреть их позы и выражение лиц! Там, как он понимал, решалась его судьба, а он не мог вмешаться, не мог хотя бы услышать их речи, и принужден был беспомощно сидеть на месте и терзаться тревогой.

Наконец второй акт закончился. Занавес упал, и зрители вокруг Френсиса начали вставать с мест, чтобы пройтись во время антракта. Естественно было и ему последовать их примеру, а при этом не только естественно, но даже и необходимо было пройти мимо самой ложи. Собрав все свое мужество, но опустив глаза, Френсис направился в сторону ложи. Перед ним, пыхтя на ходу, не торопясь шествовал пожилой джентльмен, поэтому и Френсис продвигался вперед очень медленно. Что ему делать? Приветствовать Венделера и его дочь, проходя мимо? Вынуть из петлицы цветок и бросить в ложу? Поднять голову и кинуть долгий и нежный взгляд на девушку, может быть, свою сестру или невесту? Колеблясь и не зная, на каком решении остановиться, он вдруг ярко представил себе свое прежнее спокойное существование и службу в банке, и сожаление о прошлом охватило его.

К этому времени он оказался прямо против ложи, и хотя до сих пор сомневался, что ему делать и делать ли что-нибудь вообще, он повернул голову и поднял глаза. Едва взглянув, он разочарованно вскрикнул и застыл на месте. Ложа была пуста. Пока он приближался, мистер Венделер с дочерью тихонько ускользнули прочь.

Кто-то позади него вежливо напомнил, что он загораживает дорогу. Он опять машинально тронулся вперед и покорно подчинился движению толпы, которая вынесла его из театра. На улице давка ослабела, Френсис остановился, и свежий вечерний воздух быстро привел его в себя. Он с удивлением заметил, что у него очень болит голова и что он не помнит ни слова из виденных двух актов. Возбуждение постепенно улеглось, на смену ему явилась непреодолимая сонливость. Он подозвал фиакр и поехал к себе в состоянии крайнего изнеможения, испытывая даже отвращение к жизни.

На следующее утро он вышел с намерением подстеречь мисс Венделер на пути к рынку и в восемь часов увидел, что она вышла на улицу. Она была просто, даже бедно одета, но ее гордая осанка и гибкая походка скрасили бы самую скромную одежду. Даже корзинка

— так изячно она несла ее — была ей к лицу, словно украшение. Притаившемуся в дверном проеме Френсису почудилось, будто она все освещает на своем пути, точно солнце, и заставляет отступать прочь все тени, и он в первый раз заметил, что где-то наверху в клетке поет птица. Он дал девушке пройти мимо, потом, выйдя из двери, окликнул ее.

— Мисс Венделер! — сказал он.

Она обернулась и, узнав его, смертельно побледнела.

— Простите меня, — заговорил он. — Клянусь, я не хотел испугать вас, да и можно ли пугаться человека, который так горячо желает вам добра. Поверьте мне, я обращаюсь к вам так по необходимости и не могу поступить иначе. Нас многое связывает, но я брожу как в потемках. Мне бы следовало действовать, а у меня связаны руки. Я не знаю, что и думать, не знаю даже, кто мои друзья и кто — враги.

Она с трудом обрела голос.

— Я не знаю, кто вы, — сказала она.

— Ах нет, мисс Венделер, вы знаете! — возразил Френсис. — Обо мне вам известно больше, чем мне самому. Именно о себе я жду от вас разъяснения. Расскажите мне все, что вы знаете, — молил он. — Расскажите, кто я и кто вы, и почему переплелись наши судьбы. Хоть немного помогите мне разобраться, мисс Венделер, скажите одно слово, чтобы направить меня, назовите хоть имя моего отца, — и я удовлетворюсь этим и буду благодарен вам.

— Зачем мне пытаться обманывать вас? — промолвила она. — Я знаю, кто вы, но не смею сказать.

— Тогда скажите хотя бы, что вы простили мою дерзость, и я буду терпеливо ждать. Если мне нельзя знать правды, я подчинюсь. Это жестоко, но я могу выдержать и большее, если понадобится. Только не заставляйте меня мучиться мыслью, что я сделал вас своим врагом.

— Ваш поступок вполне понятен, — сказала она, — вы ни в чем не виноваты передо мной. Прощайте.

— "Прощайте"? Неужели навсегда? — спросил он.

— Я и сама не знаю, — сказала она, — Если хотите, то — до свидания.

С этими словами она ушла.

Френсис вернулся к себе в ужасном смятении. В то утро он сделал весьма слабые успехи в геометрии и чаще оказывался у окна, чем

сидел за своим импровизированным письменным столом. Однако за все утро ему не удалось увидеть ничего примечательного около дома с зелеными ставнями, кроме того разве, что мисс Венделер возвратилась и говорила со своим отцом, курившим на веранде трихинопольскую сигару. Среди дня молодой человек вышел и наспех утолил голод в ближайшем ресторанчике, но любопытство, остававшееся неутоленным, подгоняло его, и он вернулся к дому на улице Лепик. У садовой стены какой-то верховой, видимо, слуга, водил на поводу оседланную лошадь, а привратник дома, где жил Френсис, покуривал трубку, прислонясь к дверному косяку, и внимательно разглядывал ливрею и скакунов.

— Смотрите-ка! — крикнул он молодому человеку. — Прекрасные лошадки! И какая нарядная ливрея! Владелец всего этого — брат мистера Венделера, он только что приехал сюда. Он генерал и у вас на родине человек известный; вам, вероятно, доводилось слышать о нем.

— Признаюсь, — возразил Френсис, — я никогда не слыхивал о генерале Венделере. У нас много военных в таком чине, да и мне приходится вести дела только с людьми штатскими.

— Это тот самый генерал, у которого пропал индийский алмаз, — сказал привратник. — Об этом-то вы наверняка читали в газетах.

Отделавшись от привратника, Френсис помчался наверх и бросился к окну. Возле каштана, под самым просветом в листве, сидели и разговаривали, покуривая сигары, два джентльмена. У генерала, краснолицего человека с военной выправкой, было некоторое семейное сходство с братом: что-то общее в чертах лица и кое-что в осанке — самая малость, — напоминавшее свободную, могучую статью Джона Венделера. Но генерал был старше, ниже ростом и проще с виду, — сходство было почти карикатурным, и рядом с диктатором он казался совсем жалким и хилым существом.

Занятые разговором, они наклонялись друг к другу через стол и говорили так тихо, что Френсису редко удавалось поймать несколько слов кряду. По этим обрывкам он убедился, однако, что речь шла о нем самом и о его будущем. Несколько раз достигало его слуха имя Скримджер, которое легко было различить, а еще чаще он как будто различал имя Френсис.

Наконец, словно в припадке ярости, генерал разразился гневными возгласами.

— Френсис Венделер! — закричал он, упирая на последнее слово. — Френсис Венделер, говорю я тебе!

Диктатор дернулся всем телом, выражая то ли согласие, то ли пренебрежение, но молодой человек не расслышал его ответа.

Неужели это его они называли Френсисом Венделером? Может быть, спор шел об имени, под которым он должен был венчаться? Или все это только наваждение, пустой сон, порожденный его тщеславием и самомнением?

Некоторое время ему опять не удавалось расслышать их речей. Затем между собеседниками под каштаном снова возникло разногласие, генерал сердито повысил голос, и до Френсиса долетели его слова.

— Моя жена? — вскричал он. — Я навсегда порвал с моей женой. Я о ней и слышать не хочу! Мне противно самое ее имя.

И он громко выругался и стукнул кулаком по столу.

Диктатор стал, судя по жестам, отечески успокаивать генерала и вскоре повел его к садовой калитке. Братья обменялись довольно сердечным рукопожатием, но как только дверь за гостем закрылась, Джон Венделер разразился хохотом, который Френсису Скримджеру показался дьявольски злобным.

Так прошел еще один день, принесший мало нового. Впрочем, молодой человек помнил, что завтра вторник, и сулил себе удивительные открытия. Хорошо ли, плохо ли для него обернется дело, он, во всяком случае, узнает что-нибудь любопытное, а если ему повезет, он доберется и до разгадки тайны, окружавшей его отца и всю семью.

Близился час обеда, и в саду позади дома с зелеными ставнями шли великие приготовления: на том столике, который был виден сквозь ветви каштана, стояли тарелки для перемены и все нужное для салата. Стол для обедающих стоял в стороне, густая листва почти совсем скрывала его, и Френсис мог разглядеть лишь белую — скатерть и столовое серебро.

Мистер Роллз явился минута в минуту. Он как будто держался настороже, говорил тихо и скупно. Диктатора, наоборот, обуяла необычайная жизнерадостность — в саду то и дело раздавался его юношески звучный смех. Судя по оттенкам голоса, он, вероятно, рассказывал смешные истории, подражая то одному, то другому

иностранным выговору. И не успели они с молодым священником прикончить бутылку вермута, как недоверие гостя испарилось и они уже болтали, словно два школьных товарища.

Наконец появилась мисс Венделер с суповой миской в руках. Мистер Роллз бросился ей навстречу, желая помочь, но она со смехом отказалась. Последовал обмен шутками — обедающих как будто забавляло, что одному из них приходится подавать на стол.

— Зато так свободней! — послышалось заявление Венделера.

Потом они расселись по местам, и Френсису теперь ничего не было ни видно, ни слышно. Но обед проходил, кажется, весело, под каштаном шла непрерывная болтовня и раздавался стук ножей и вилок. Френсис, проглотивший с утра одну булочку, позавидовал их мирной и неторопливой трапезе. Они подолгу сидели за каждым блюдом и закончили обед легким десертом и бутылкой старого вина, которую осторожно откупорил сам диктатор. Так как уже стемнело, на стол поставили лампу, а на подсобный столик — две свечи; ночь наступала удивительно ясная, звездная и безветренная. Из дверей и окон веранды тоже струился свет, так что сад был весь озарен и в темных кронах поблескивали листья.

Мисс Венделер, вероятно, уже в десятый раз, ушла в дом; теперь она вернулась, неся поднос с кофейным прибором, который поставила на другой столик. В ту же минуту ее отец поднялся с места, и Френсис услышал, как он сказал:

— Кофе — это уж мое дело.

Затем Френсис увидел своего предполагаемого отца у подсобного столика в свете зажженных свечей.

Продолжая разговаривать через плечо, мистер Венделер нацедил две чашки коричневого напитка, а затем ловким движением фокусника вылил в меньшую чашку содержимое крохотного флакончика. Он проделал это с необычайной быстротой, и Френсис, глядевший прямо на старика, едва успел заметить, что случилось, как все уже было кончено. В следующее мгновение, продолжая смеяться, мистер Венделер повернулся к обеденному столу, держа по чашке в каждой руке.

— Не успеем мы выпить кофе, — сказал он, — как появится наш ростовщик.

Невозможно описать смятение и ужас Френсиса Скримджера. У него на глазах совершалось преступление, он понимал, что должен вмешаться, и не знал, как это сделать. А вдруг это просто шутка? Хорош он будет тогда со своим вмешательством! А если дело серьезно, то ведь преступник, возможно, его родной отец, и не придется ли тогда Френсису каяться, что он навлек гибель на своего родителя? Он только теперь уяснил себе, что играет роль соглядатая. Для него было настоящей пыткой пассивно наблюдать за событиями, когда в душе боролись такие противоречивые чувства. Он приник к планкам ставен, сердце его билось быстро и неровно, он ощущал, как обильный пот выступил по всему его телу.

Прошло несколько минут.

Ему показалось, что разговор замирает, становится все менее оживленным, менее громким. Но ничего тревожного или необычного как будто не происходило.

Вдруг послышался звон разбитого бокала, а за ним негромкий глухой звук, словно кто-то уронил голову на стол. И сразу в саду раздался пронзительный крик.

— Что ты сделал! — кричала мисс Венделер. — Он умер!

Диктатор ответил яростным шепотом, таким резким и свистящим, что до Френсиса, стоявшего у окна, донеслось каждое слово.

— Тише! — говорил мистер Венделер. — Ничего с ним не случилось. Бери его за ноги, а я потащу за плечи.

Френсис услышал, что мисс Венделер разрыдалась.

— Ты слышала, что я сказал? — все так же продолжал диктатор. — Или ты хочешь поссориться со мной? Выбирайте, мисс Венделер.

Последовала пауза, потом диктатор заговорил снова:

— Бери его за ноги. Мне нужно внести его в дом. Будь я помоложе, я бы сам справился с кем угодно. Но пережитые годы сказываются, я ослабел, и мне без твоей помощи не обойтись.

— Это — преступление, — возразила девушка.

— Я твой отец, — сказал мистер Венделер.

Его слова как будто возымели действие. Послышалось шарканье ног по гравию, опрокинулся стул, потом Френсис увидел, как отец и дочь, пошатываясь, пронесли по дорожке бесчувственное тело мистера Роллза и скрылись с ним в дверях веранды. Молодой священник был

бледен и бессильно повис у них на руках, и голова его качалась при каждом шаге.

Жив он или мертв? Несмотря на утверждения диктатора, Френсис склонялся ко второму. Совершилось тяжкое преступление, и теперь обитателям дома с зелеными ставнями грозили великие бедствия. Френсис неожиданно почувствовал, что сожаление к девушке и старику, стоявшим, по его мнению, на краю гибели, вытесняет в его душе ужас перед происшедшим. Прилив великодушия затопил его сердце. Он тоже будет поддерживать своего отца против всех и каждого, против судьбы и закона. Он распахнул ставни, зажмурился и, широко раскинув руки, бросился вниз, в листву каштана.

Одна ветка за другою вырывалась у него из пальцев или ломалась под его тяжестью. Наконец он ухватился за толстый сук, секунду продержался в воздухе и, отпустив ветку, грохнулся прямо на стол. По тревожному крику, раздавшемуся в доме, он понял, что вторжение его не прошло незамеченным. Он поднялся, шатаясь, в три прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от дома, и стал в дверях веранды.

Он увидел небольшую комнату, устланную циновками. Вдоль стен выстроились застекленные шкафы, полные редкостных и ценных вещей, а посередине комнаты, склонившись над телом Роллза, стоял мистер Венделер. При появлении Френсиса старик выпрямился и сделал быстрое движение рукой. Оно заняло не более секунды, все произошло в один миг. Молодой человек не мог бы утверждать с уверенностью, но ему показалось, будто диктатор вынул из внутреннего кармана священника какой-то предмет, глянул на него и тотчас поспешно передал дочери.

Все это случилось, пока Френсис стоял только одной ногой на пороге. В следующее мгновение он бросился на колени перед мистером Венделером.

— Отец! — вскричал он. — Позвольте и мне помочь вам. Все, что вы захотите, я сделаю, ни о чем не спрашивая. Я готов служить вам, отдать вам свою жизнь! Обходитесь со мной, как с сыном, и вы встретите сыновнюю преданность.

В ответ диктатор разразился потоком отчаянной брани.

— Сын? Отец? — вскричал он. — Отец и сын? Какого черта? Что это за дурацкая комедия? Как вы попали ко мне в сад? Что вам надо? И кто вы такой, скажите на милость?

Ошеломленный Френсис поднялся и стоял теперь с пристыженным видом, не говоря ни слова.

Тут мистера Венделера, видимо, осенила догадка, и он громко расхохотался.

— Понимаю! — воскликнул он. — Это же Скримджер! Отлично, мистер Скримджер, я в нескольких словах растолкую вам ваше дело. Вы проникли в мое жилище силой или обманом, но уж, во всяком случае, без моего приглашения. Вы попали не ко времени, когда моему гостю вдруг стало дурно за столом, и кидаетесь ко мне со своими излияниями. Я вам не отец. Вы, если хотите знать, незаконный сын моего брата и рыбной торговли. Вы мне безразличны, даже неприятны, а ваше поведение убеждает меня в том, что ваши умственные способности вполне соответствуют вашей внешности. Советую вам на досуге обдумать эти огорчительные для вас факты, а пока покорнейше прошу избавить нас от вашего присутствия. Не будь я так занят, — тут диктатор прибавил ужасное ругательство, — я бы задал вам хорошую трепку на дорогу!

Френсис слушал его, испытывая чувство глубокого унижения. Он убежал бы, если б мог. Но он не знал, как выйти из сада, куда забрался на свою беду, и теперь ему только и оставалось, что глупо стоять на месте.

Молчание нарушила мисс Венделер.

— Отец, — сказала она, — ты говоришь в запальчивости. Мистер Скримджер, может быть, поступил опрометчиво, но из самых добрых и хороших побуждений.

— Спасибо тебе, — огрызнулся диктатор, — ты мне напомнила обо всем остальном, что я по долгу чести хочу сообщить мистеру Скримджеру. Мой брат, — продолжал он, обращаясь к молодому человеку, — по глупости назначил вам пособие. По глупости и наглости он вознамерился женить вас на этой молодой особе. Позавчера вас ей показали. Я рад довести до вашего сведения, что она с отвращением отвергла эту затею. Позвольте добавить, что я имею большое влияние на вашего отца и поставлю себе в заслугу, если к концу недели у вас отберут пособие и отошлют вас обратно заниматься и дальше вашим бумагомаранием.

Тон старика был даже оскорбительней, чем его слова. Френсис чувствовал, что его обливают жестоким, убийственным, невыносимым

презрением. Голова у него кружилась, он закрыл лицо руками, и, хоть глаза его были сухи, у него вырвалось мучительное рыдание.

Но мисс Венделер еще раз вступилась за него.

— Мистер Скримджер, — сказала она ясным, ровным голосом, — пусть резкие слова моего отца не расстраивают вас. Вы не внушаете мне никакого отвращения. Наоборот, я просила предоставить мне возможность узнать вас поближе. А то, что произошло сегодня, поверьте, заставляет меня проникнуться к вам жалостью и уважением.

Тут мистер Роллз судорожно дернул рукой, и это убедило Френсиса, что гостя только опоили снотворным снадобьем и что он теперь начинает приходить в себя. Мистер Венделер склонился над священником, всматриваясь в его лицо.

— Ну, хватит! — воскликнул он, поднимая голову. — Пора кончать. И раз уж вы так очарованы поведением этого подкидыша, мисс Венделер, возьмите свечу и проводите его.

Девушка тотчас повиновалась.

— Благодарю вас, — сказал Френсис, как только они очутились одни в саду. — Благодарю вас от всей души. Это самый горький час в моей жизни, но с ним навсегда будет связано одно счастливое воспоминание.

— Я сказала то, что думала, — ответила она, — и вы это заслужили. Мне больно, что с вами обошлись так несправедливо.

В это время они подошли к садовой калитке, и мисс Венделер, поставив свечу на землю, стала открывать засовы.

— Еще одно слово, — сказал Френсис. — Ведь мы прощаемся не навсегда? Я еще увижу вас, не правда ли?

— Увы! — ответила она. — Вы слышали отца. Как я могу не подчиниться ему?

— Скажите хотя бы, что все это происходит без вашего согласия, — возразил Френсис. — Скажите, что вы не хотите распрощаться со мной навсегда.

— Конечно, нет, — ответила она. — Вы, по-моему, человек смелый и честный.

— Тогда, — сказал Френсис, — подарите мне что-нибудь на память.

Взявшись за ключ, она задумалась; все засовы и задвижки были уже открыты, оставалось только отомкнуть замок.

— Если вы получите мой подарок, — спросила она, — обещаете ли вы сделать все точь-в-точь, как я велю?

— И вы спрашиваете? — сказал Френсис. — Я охотно сделаю все по одному вашему слову.

Она повернула ключ и распахнула калитку.

— Так тому и быть, — сказала она. — Вы не знаете, о чем просите, но так и быть. Что бы вы ни услышали, что бы ни случилось, не возвращайтесь к этому дому. Бегите изо всех сил, пока не достигнете освещенных и многолюдных улиц, но и там будьте начеку. Вы не представляете себе, какой опасности подвергаетесь. Обещайте мне, что не взглянете на мой подарок, пока не окажетесь в безопасном месте.

— Обещаю, — ответил Френсис.

Она сунула в руку молодого человека что-то, небрежно завернутое в платок, и в тот же миг с силой, какой он не предполагал в ней, вытолкнула его на улицу.

— Бегите же! — крикнула она.

Он услышал, как за ним захлопнулась калитка и как загремели задвижки и засовы.

— Ну, — сказал он, — раз уж я обещал!..

И он опрометью пустился вниз по переулку, ведущему к улице Равиньян.

Он не отбежал и пятидесяти шагов от дома с зелеными ставнями, как в ночной тишине вдруг раздался злобный вопль. Френсис невольно остановился. Встречный пешеход последовал его примеру. Он видел, как в соседних домах люди приникли к окнам. Пожар не вызвал бы такой сумятицы в этом безлюдном квартале. А повинен в ней, очевидно, был один человек, взревевший от ярости и горя, как львица, у которой похитили детенышей. Френсис удивился и встревожился, разобрав, что это его самого кто-то клянет по-английски на все лады.

Первым его побуждением было вернуться к дому, но, припомнив наставления мисс Венделер, он решил бежать быстрее прежнего. Едва он повернулся, чтобы привести свою мысль в исполнение, как вдруг без шляпы, с развевающимися седыми волосами, громко ругаясь, мимо пролетел диктатор, словно ядро из пушечного жерла, и во весь опор понесся вниз по улице.

"Вот чуть не попался! — подумал про себя Френсис. — Ума не приложу, что ему от меня нужно и чего он так волнуется. Однако с ним сейчас явно не стоит встречаться, и лучше мне последовать совету мисс Венделер".

Он пошел назад, надумав вернуться обратно и спуститься по улице Лепик, пока его преследователь гонится за ним в другом направлении. План был неудачен: по сути дела, ему следовало засесть в ближнем кабачке и ждать, чтобы первая горячка погони миновала.

Но у Френсиса не было опыта в мелких стычках такого рода, и он был мало расположен к ним. К тому же он настолько не чувствовал за собой никакой вины, что и не опасался ничего, кроме неприятной встречи. Однако неприятных встреч было за этот вечер, по его мнению, достаточно с него, а предполагать, что мисс Венделер чего-нибудь ему недосказала и зовет обратно, он не мог. Молодой человек в самом деле жестоко страдал и телом и душой: тело ныло от ушибов, а душа уязвлена была колкостями мистера Венделера, у которого, приходилось сознаться, был на редкость ядовитый язык.

Ушибы напомнили Френсису, что он не только явился в сад диктатора без шляпы, но что его платье сильно пострадало, когда он продирался сквозь ветви каштана. В первой попавшейся лавке Френсис купил себе дешевую широкополую шляпу и попросил привести в порядок его одежду. Подаренную на память вещицу он, не разворачивая, сунул пока в карман штанов.

Не успел он отойти и нескольких шагов от лавки, как его вдруг толкнули, чья-то рука схватила за горло, и прямо перед собой он увидел разъяренное лицо с разинутым ртом, изрыгающим проклятия. Диктатор, сбившись со следа, возвращался другим путем. Френсис был дюжий молодец, но ему не сравниться было по силе и ловкости со своим противником. И после недолгой, безуспешной борьбы он прекратил сопротивление и сдался в плен.

— Что вам надо от меня? — спросил он.

— Об этом мы поговорим дома, — угрюмо отрезал диктатор.

И он повел молодого человека вверх по улице к дому с зелеными ставнями.

Но Френсис, хоть и перестал отбиваться, только и ждал случая предпринять смелую попытку к бегству. Внезапно рванувшись и

оставив воротник в руках мистера Венделера, он опять стремглав бросился наутек в сторону Бульваров.

Теперь роли переменялись. Диктатор был сильнее, зато Френсис был моложе и бегал проворней: смешавшись с толпой, он легко ускользнул от диктатора. Радуюсь избавлению, но все больше тревожась и недоумевая, он шел быстрым шагом, пока не достиг площади Оперы, где от электрических фонарей было светло, как днем.

"Здесь, — подумал он, — уж, во всяком случае, все так, как хотелось мисс Венделер".

И, повернув вправо по Бульварам, он вошел в "Американское кафе" и заказал себе пива. Для большинства завсегдатаев этого кафе час был слишком поздний или слишком ранний. В зале сидели за отдельными столиками только два-три посетителя — все мужчины. Френсис так погрузился в свои мысли, что не обратил на них внимания.

Он вынул из кармана платок с завернутым в него предметом. В платке оказался сафьяновый футляр с застежкой и золоченым узором. Футляр открылся при помощи пружинки, и потрясенный молодой человек увидел алмаз невероятной величины и удивительного блеска. Случай был настолько необыкновенным, ценность камня, очевидно, так огромна, что, уставясь в открытый футляр, Френсис замер без движения, без единой сознательной мысли, словно внезапно потеряв рассудок.

На его плечо легла чья-то легкая, но твердая рука, и тихий, но в то же время повелительный голос произнес над ним следующие слова:

— Закройте футляр и постарайтесь казаться спокойным.

Подняв глаза, он увидел человека еще молодого, величавого, с изысканной осанкой и одетого дорого, но просто. Этот джентльмен, видимо, встал из-за соседнего столика и, забрав свой стакан, пересел к Френсису.

— Закройте футляр, — повторил незнакомец, — и не спеша положите его обратно в карман, где, я убежден, ему вовсе не место. Пожалуйста, постарайтесь успокоиться и держитесь так, будто я ваш знакомый, которого вы случайно встретили. Вот-вот! Чокнитесь со мной. Так лучше. Боюсь, сэр, что вы человек неискушенный.

И, значительно улыбнувшись при последних словах, незнакомец откинулся в кресле и глубоко затянулся папирсой.

— Ради бога, — сказал Френсис, — скажите, кто вы и что все это значит? Я, право, не знаю, почему мне надо слушаться ваших неожиданных советов. Но, честно говоря, со мною за этот вечер случилось столько несуразных приключений, и все, с кем я ни встречался, вели себя так странно, что мне кажется, будто я сошел с ума или залетел на другую планету. Ваше лицо внушает мне доверие, я думаю, вы умны, добры и опытны. Скажите мне, ради всего святого, почему вы обращаетесь ко мне с такими необычными речами?

— Все в свое время, — ответил незнакомец. — Но мне спрашивать первому: расскажите же, как к вам попал Алмаз Раджи.

— Алмаз Раджи?!

— На вашем месте я не говорил бы так громко, — заметил его собеседник. — Но у вас в кармане именно Алмаз Раджи. Я десятки раз видел его в коллекции сэра Томаса Венделера и даже держал в руках.

— Сэр Томас Венделер! Генерал! Мой отец! — вскричал Френсис.

— Ваш отец? — переспросил незнакомец. — Я не знал, что у генерала есть дети.

— Я незаконнорожденный, сэр, — ответил Френсис, вспыхнув.

Незнакомец поклонился со строгим выражением лица. Поклон его был почтительным, словно он молча приносил извинения равному себе. И Френсису вдруг, неизвестно почему, стало легко и спокойно. Ему было хорошо с этим незнакомцем, как будто он обрел почву под ногами. Чувство уважения росло в его душе, и он невольно снял свою широкополую шляпу, словно в присутствии важного лица.

— Заметно, — сказал незнакомец, — что ваши приключения отнюдь не были мирными. Воротник у вас оторван, лицо исцарапано,

на виске порез. Надеюсь, вы простите мое любопытство, если я попрошу вас рассказать, откуда взялись эти повреждения и откуда у вас в кармане краденая вещь такой огромной ценности.

— Вы неправы! — резко возразил Френсис. — Нет у меня никаких краденых вещей. А если вы имеете в виду алмаз, его с полчаса тому назад мне подарила мисс Венделер на улице Лепик.

— Мисс Венделер с улицы Лепик! — повторил собеседник. — Все это гораздо интересней, чем вы думаете. Пожалуйста, продолжайте.

— Боже мой! — воскликнул Френсис.

Его память сделала внезапный скачок. Ведь он видел, что мистер Венделер вынул какой-то предмет из внутреннего кармана своего потерявшего сознание гостя; теперь он понял, что это и был сафьяновый футляр.

— О чем вы вспомнили? — осведомился незнакомец.

— Слушайте, — сказал Френсис. — Я не знаю, кто вы, но думаю, что вы достойны доверия и можете мне помочь. Я совершенно запутался, мне нужен совет, нужна поддержка, и, раз вы сами хотите, я расскажу вам все.

И он коротко пересказал свои приключения, начиная с того дня, как его вызвали из банка к адвокату.

— Ваша история поистине замечательна, а ваше положение очень затруднительно и опасно, — сказал незнакомец, когда рассказ молодого человека подошел к концу. — Многие посоветовали бы вам разыскать вашего отца и отдать алмаз ему, но я думаю иначе.

И он позвал лакея.

Лакей подошел.

— Скажите, пожалуйста, хозяину, что я прошу его на два слова, — сказал незнакомец, и Френсис опять заметил по его тону и обхождению, что он привык повелевать.

Лакей ушел и вскоре вернулся с хозяином, который подобострастно поклонился незнакомцу.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Будьте добры назвать этому джентльмену мое имя, — сказал незнакомец, указывая на Френсиса.

— Сэр, — сказал хозяин, обращаясь к молодому Скримджеру, — вы имеете честь сидеть за одним столом с его высочеством принцем Флоризелем Богемским.

Френсис тотчас вскочил и учтиво поклонился принцу, который попросил его снова сесть.

— Благодарю вас, — сказал Флоризель, опять обращаясь к хозяину. Простите, что затруднял вас из-за такой малости.

И движением руки отпустил его.

— А теперь, — сказал принц, — дайте мне алмаз.

Футляр был ему передан без единого возражения.

— Вы правильно поступили, — сказал Флоризель. — Сердце подсказало вам верный путь, и вы когда-нибудь с благодарностью припомните злоключения этого вечера. Человек может запутаться среди тысячи разных затруднений, мистер Скримджер, но если он прямодушен и ум у него ясный, он выйдет из них незапятнанным. Будьте покойны: ваше дело в моих руках, и с помощью провидения у меня хватит сил привести его к благополучному концу. Идемте к моему экипажу.

С этими словами принц поднялся и, оставив лакею золотую монету, вышел с молодым человеком из кафе и повел по бульвару туда, где его поджидали двое слуг без ливрей и простая двухместная карета.

— Этот экипаж, — сказал Флоризель, — в вашем распоряжении. Соберите, пожалуйста, как можно скорее свои вещи. Мои слуги свезут вас на одну виллу в окрестностях Парижа, где вы спокойно поживете, пока я буду устраивать вашу судьбу. Там вы найдете прекрасный сад, книги лучших авторов, повара, погреб с винами и хорошие сигары, которые я рекомендую вашему вниманию. Жером, — прибавил он, оборачиваясь к одному из слуг, — вы слышали, что я сказал? Оставляю мистера Скримджера на ваше попечение; я знаю, вы сумеете позаботиться о моем друге.

Френсис невнятно пробормотал слова признательности.

— Вы успеете поблагодарить меня, — сказал принц, — когда станете узаконенным сыном своего отца и мужем мисс Венделер.

Затем принц повернулся и не спеша направился в сторону Монмартра. Он кликнул первый попавшийся фиакр, назвал адрес и через четверть часа, отпустив экипаж несколько ниже по улице, уже стучался у садовой калитки мистера Венделера.

Ему с необычайными предосторожностями самолично открыл диктатор.

— Кто это? — спросил он.

— Надеюсь, вы простите мне столь поздний визит, мистер Венделер, сказал принц.

— Я всегда рад вашему высочеству, — ответил мистер Венделер, отступая назад.

Пользуясь тем, что путь свободен, принц, не дожидаясь хозяина, прошел прямо к дому и открыл дверь на веранду. Там он застал мисс Венделер; глаза ее были заплаканы, и время от времени она судорожно всхлипывала. В джентльмене, сидевшем рядом с нею, принц узнал молодого человека, который около месяца тому назад в клубной курительной просил его совета в выборе литературы.

— Добрый вечер, мисс Венделер, — сказал Флоризель, — у вас усталый вид. Мистер Роллз, если не ошибаюсь? Надеюсь, изучение книг Габорио пошло вам на пользу.

Но молодой священник был так раздражен, что не мог говорить. Он ограничился сдержанным поклоном и продолжал сидеть, кусая себе губы.

— Какой счастливый ветер занес вас ко мне, ваше высочество? — спросил мистер Венделер, входя вслед за гостем.

— Я пришел по делу, — сухо ответил принц. — Как только мы его обсудим, я попрошу мистера Роллза прогуляться со мною... Мистер Роллз, строго прибавил он" — разрешите напомнить вам, что я еще не садился.

Священник с извинениями вскочил на ноги. Тогда принц сел в кресло у стола, передал свою шляпу мистеру Венделеру, а трость мистеру Роллзу и, предоставляя им, словно лакеям, прислуживать себе, заговорил:

— Я пришел, как уже сказал, по делу. Приди я сюда для удовольствия, мне были бы очень неприятны и ваш прием и еще больше ваше общество. Сэр, — обратился он к мистеру Роллзу, — вы вели себя неучтиво со старшим по положению. Вы же, Венделер, встречаете меня улыбками, отлично зная, что ваши руки замараны бесчестными поступками. Не перебивайте меня, — прибавил он повелительно, — я пришел сюда говорить, а не слушать и вынужден просить вас выслушать меня с уважением, а все мои требования выполнить неукоснительно. В самый короткий срок ваша дочь должна обвенчаться в посольстве с моим другом Френсисом Скримджером, которого ваш брат открыто признает своим сыном. Вы обяжете меня,

выделив не меньше десяти тысяч фунтов приданого. Вас самого я посылаю в Сиам — ждите от меня письменных распоряжений по существу важного дела, которое поручается вашим заботам. А теперь, сэр, ответьте мне напрямик: принимаете ли вы мои требования?

— Простите меня, ваше высочество, — сказал Венделер, — и разрешите почтительнейше задать вам два вопроса.

— Разрешаю, — ответил принц.

— Ваше высочество, — продолжал свою речь диктатор, — вы назвали мистера Скримджера своим другом. Если бы я только знал, что вы почтили его своей дружбой, поверьте, я отнесся бы к нему с должным уважением.

— Хитрый ход, — сказал принц, — но он вас не выручит. Вы получили мои приказания; они остаются по-прежнему в силе, даже если бы я познакомился с этим джентльменом только сегодня.

— Вы, ваше высочество, уловили мою мысль со своей обычной пронизательностью, — заявил Венделер. — Далее: я, к сожалению, обратился в полицию для розыска мистера Скримджера по подозрению в краже. Взять мне обратно свое обвинение или настаивать на нем?

— Как вам угодно, — ответил Флоризель. — Это дело вашей совести и законов этой страны. Дайте мне шляпу, а вы, мистер Роллз, дайте мне трость и идите со мной. Спокойной ночи, мисс Венделер. — Обратившись к Венделеру, он добавил: — Считаю ваше молчание знаком безоговорочного согласия.

— Если мне не удастся ничего сделать, — ответил старик, — я подчинюсь. Но я открыто предупреждаю вас, что без борьбы не сдамся.

— Вы стары, — сказал принц, — но годами не скрасить порока. В старости вы безумней иного юнца. Не сердите меня, я могу оказаться суровей, чем вы думаете. Впервые мне приходится в гневе становиться вам поперек дороги, смотрите, чтобы это было в последний раз.

И, подав священнику знак идти за собой, Флоризель вышел из дома и направился к садовой калитке. Диктатор освещал им дорогу, следуя сзади со свечой, и снова сам отомкнул сложные засовы, при помощи которых надеялся уберечься от непрошенных гостей.

— Так как вашей дочери сейчас здесь нет, — промолвил принц, обернувшись с порога, — я могу сказать вам, что понял ваши угрозы;

но попробуйте только пальцем шевельнуть, и вы навлечете на себя скорую и неминуемую погибель.

Диктатор ничего не ответил, но, когда в свете уличного фонаря принц повернулся к нему спиной, он в безумной ярости погрозил кулаком. Через миг, скользнув за угол, он уже со всех ног бежал к ближайшей стоянке фиакров.

Здесь, говорит мой арабский автор, цепь событий уводит нас прочь от дома с зелеными ставнями. Еще одно приключение, добавляет он, и мы покончим с Алмазом Раджи. Это последнее звено цепи называется у обитателей Багдада "Повесть о встрече принца Флоризеля с сыщиком".

ПОВЕСТЬ О ВСТРЕЧЕ ПРИНЦА ФЛОРИЗЕЛЯ С СЫЩИКОМ

Принц Флоризель дошел с мистером Роллзом до самых дверей маленькой гостиницы, где тот жил. Они много разговаривали, и молодого человека не раз трогали до слез суровые и в то же время ласковые упреки Флоризеля.

— Я погубил свою жизнь, — сказал под конец мистер Роллз. — Помогите мне, скажите, что мне делать. Увы! Я не обладаю ни добродетелями пастыря, ни ловкостью мошенника.

— Вы и так унижены, — сказал принц, — остальное не в моей власти. В раскаянии человек обращается к владыке небесному, не к земным. Впрочем, если позволите, я дам вам совет: поезжайте колонистом в Австралию, там найдите себе простую работу на вольном воздухе и постарайтесь забыть, что были когда-то священником и что вам попался на глаза этот проклятый камень.

— И в самом деле проклятый! — ответил мистер Роллз. — Где он сейчас? Какую еще беду готовит людям?

— Больше он никому не причинит зла, — сказал принц. — Он здесь, у меня в кармане. Как видите, — прибавил он ласково, — я все-таки доверяю вашему раскаянию, хоть оно еще и очень зелено.

— Разрешите мне пожать вам руку, — попросил мистер Роллз.

— Нет, — ответил принц Флоризель, — пока нет.

Его последние слова прозвучали достаточно красноречиво, и после того как принц повернулся и пошел прочь, молодой человек еще несколько минут стоял на пороге, провожая глазами удалявшуюся фигуру и благословляя в душе своего превосходного советчика.

Несколько часов принц в одиночестве бродил по пустынным улицам. Он был весьма озабочен. Как поступить с алмазом? Вернуть ли его владельцу, недостойному, по его мнению, обладать таким чудом, или предпринять крутые и решительные меры и раз навсегда сделать его недостижимым для человечества? Такой важный вопрос нельзя было решить сразу. Ему казалось, что алмаз попал в его руки явно по велению судьбы. Вынув драгоценный камень и рассматривая его под

уличными фонарями, принц дивился его величине и поразительному блеску и все больше приходил к убеждению, что этот алмаз сулит миру одни бедствия и несчастья.

"Не дай бог глядеть на него долго — чего доброго, и самому можно заразиться алчностью", — подумал он.

Так и не приняв никакого решения, он направился на набережную к небольшому красивому дворцу, который уже несколько столетий принадлежит его роду. Герб Богемии высечен над его дверью и красуется на высоких трубах, прохожие заглядывают в зеленый дворик, усаженный редкостными цветами, а на коньке крыши, собирая перед домом толпу, целый день стоит единственный в Париже аист. По двору снуют деловитые слуги. Время от времени распахиваются большие ворота, и под арку вкатывается карета. Этот дворец по многим причинам был особенно дорог сердцу принца Флоризеля. Подходя к нему, принц неизменно чувствовал, что возвращается домой переживание, обычно чуждое великим мира сего, — а в тот вечер он завидел острую крышу и неярко освещенные окна с особым ощущением покоя и облегчения.

Когда он уже подходил к боковому входу, которым всегда пользовался, если шел один, из тени стены выступил человек и с поклоном остановился на пути принца.

— Я имею честь обращаться к принцу Флоризелю Богемскому? — спросил он.

— Да, это мой титул, — ответил принц. — Что вам нужно от меня?

— Я сыщик, — сказал человек, — и мне поручено передать вашему высочеству записку от префекта полиций.

Принц взял письмо и проглядел его при свете уличного фонаря. Ему, хоть и в высшей степени учтиво, предлагалось незамедлительно последовать за подателем письма в префектуру.

— Короче говоря, — сказал Флоризель, — я арестован.

— Ваше высочество, — ответил сыщик, — я уверен, что арест вовсе не входит в намерения префекта. Как видите, он не выдал ордера на него. Это пустая формальность, или, если вам угодно, одолжение, которое вы, ваше высочество, сами оказываете властям.

— А если бы, — сказал принц, — я все-таки отказался последовать за вами?

— Не скрою от вашего высочества, мне предоставлена значительная свобода действий, — с поклоном ответил сыщик.

— Право, такая наглость меня поражает! — воскликнул Флоризель. Вас-то, как простого полицейского, нельзя не простить, но ваше начальство жестоко поплатится за свои нелепые действия. Представляете ли вы себе хотя бы, чем вызван столь неблагоприятный и нарушающий мои права шаг? Заметьте, что я пока еще не давал ни отказа, ни согласия, поэтому многое зависит от вашего скорого и искреннего ответа. Разрешите напомнить вам, сударь, что это дело довольно серьезное.

— Ваше высочество, — смиренно сказал сыщик, — генерал Венделер и его брат взяли на себя неслыханную смелость обвинить вас в краже. Они заявляют, что пресловутый алмаз находится в ваших руках. Если это неверно, префект удовольствуется одним вашим словом. Скажу больше: если ваше высочество пожелает сделать честь простому сыщику и заявит мне о своей непричастности к делу, я буду тотчас просить разрешения удалиться.

До сих пор Флоризель считал свое приключение пустяком, которому лишь дипломатические соображения могли придать некоторый вес. При имени Венделера ему мгновенно открылась ужасная истина: он не только арестован, он виновен. Это не только досадная случайность, это гибель для его чести. Как ему ответить? Что делать? Алмаз Раджи — и в самом деле проклятый камень! Казалось, принцу суждено стать последней его жертвой.

Одно было ясно: он не мог дать сыщику требуемого заверения. Надо попытаться выиграть время.

Его колебание не продлилось и секунды.

— Пусть будет так, — сказал он. — Пойдемте вместе в префектуру.

Тот еще раз поклонился и, соблюдая почтительное расстояние, последовал за Флоризелем.

— Подойдите, — сказал принц, — мне хочется поговорить, а рассмотрев вас, я подумал, что мы с вами встречаемся не в первый раз.

— Считаю честью для себя, — ответил полицейский, — что вы, ваше высочество, припомнили мое лицо. Прошло восемь лет с тех пор, как я имел удовольствие видеться с вами.

— Запоминать лица, — возразил Флоризель, — входит в мои обязанности, так же как и в ваши. Если рассудить, принц и сыщик в

самом деле братья по оружию. Мы соратники в борьбе с преступлением, только моя должность прибыльней, а ваша опасней, однако в известном смысле обе они могут стать почетными для порядочного человека. И, как ни странно вам это покажется, по-моему, лучше быть умелым сыщиком с твердым характером, чем слабым и недостойным властителем.

Полицейский даже растерялся.

— Ваше высочество, вы платите добром за зло, — сказал он. — На дерзкий поступок вы отвечаете дружеской снисходительностью.

— Почему вы знаете, — спросил Флоризель, — может быть, я стараюсь подкупить вас?

— Да минует меня искушение! — воскликнул сыщик.

— Похвальный ответ, — объявил Флоризель. — Так отвечают разумные и честные люди. Мир велик, он богат и прекрасен, и мало ли чем можно одарить человека? Иной откажется от миллионов, но продаст свою честь за царский трон или за женскую любовь. Ведь и мне самому встречаются случаи, столь соблазнительные, искушения, столь неодолимые даже для самой стойкой добродетели, что я подчас рад, как вы, скромно положиться на милость всевышнего. Только благодаря этому, — добавил он, — мы с вами можем вместе идти сейчас дозором по городу с незапятнанной совестью.

— Я много слышал о вашей смелости, — ответил сыщик, — но не знал, что вы так мудры и благочестивы. Вы говорите правду, и притом так, что она трогает меня до глубины души. Поистине, мир полон испытаний.

— Мы сейчас на середине моста, — сказал Флоризель. — Облокотитесь на перила и поглядите вниз. Подобно этому стремительному потоку, страсти и жизненные затруднения уносят честность слабодушных. Я хочу рассказать вам одну историю.

— Слова вашего высочества — приказ для меня, — ответил сыщик.

И по примеру принца он облокотился на перила и приготовился слушать. Париж уже погрузился в сон. Если бы не бесчисленные огни и очертания домов на фоне звездного неба, можно было бы подумать, что они стоят в одиночестве где-нибудь у реки далеко за городом.

— Один офицер, — начал принц Флоризель, — человек храбрый и нравственный, справедливо возведенный в высокое звание и заслуживший себе не только хвалу, но почет и уважение, в несчастный

для своего душевного покоя час посетил сокровищницу некоего индийского князя. Там он увидел алмаз такой удивительной величины и красоты, что с тех пор у него осталось лишь одно-единственное желание: честь, доброе имя, дружбу, любовь своей родины — все отдал бы он, всем охотно пожертвовал бы за этот большой сверкающий кристалл. Три года служил офицер полудикому властителю, как Иаков служил Лавану. Он нечестно устанавливал границы, покрывал убийства, несправедливо осудил и казнил собрата по оружию, который имел несчастье разгневать раджу вольными и честными речами. В пору великой опасности для своей родины он даже предал отряд своих же солдат: по его вине неприятель разбил их, и тысячи людей были истреблены. В конце концов он скопил громадное состояние и вернулся домой с прельстившим его алмазом.

— Шли годы, — продолжал принц, — и вот алмаз был случайно потерян. Он попадает в руки простого трудолюбивого юноши, молодого ученого, священника, только вступившего на путь, на котором он мог бы принести пользу людям и даже достичь известности. Алмаз околдовывает и его: он бросает все — свое призвание, свои занятия — и бежит с драгоценным камнем в чужую страну. Брат того офицера, хитрый, отчаянный, бессовестный человек, узнает тайну священника. Что он делает? Рассказывает брату, сообщает полиции? Нет, он тоже подпадает под действие дьявольских чар: он сам хочет завладеть этим камнем. С риском умертвить молодого священника он опаивает его снотворным зельем и захватывает добычу. Но тут по случайности, несущественной для моего рассказа, алмаз из его рук переходит еще к одному человеку. Тому камень внушает ужас, и он отдает его на хранение лицу высокого звания и стоящему выше подозрений. Имя офицера — Томас Венделер, — продолжал Флоризель. — Камень зовется Алмазом Раджи. И, — добавил он, вдруг раскрывая ладонь, — вот он перед вами.

Сыщик вскрикнул и отшатнулся.

— Мы толковали об искушениях. Мне этот большой блестящий кристалл отвратителен, словно он кишит могильными червями. Он страшен, словно в нем горит кровь невинных. Я вижу его на своей ладони, но знаю, что он светится адским огнем. Я не пересказал вам и сотой доли его приключений. Что с ним происходило в былые времена,

на какие преступления и предательства он толкал людей в минувшем, нельзя себе представить без содрогания. Годы и годы служил он силам преисподней. Довольно же крови, довольно позора, довольно загубленных жизней и попорченной дружбы. Все когда-нибудь кончается: зло и добро, чума и нежная музыка, а что до этого алмаза, то, да простит мне господь, если я поступлю неправильно, но только этой ночью его власти придет конец.

Принц сделал внезапное движение рукой, и драгоценный камень, описав сияющую дугу, с плеском нырнул в бегущую воду.

— Аминь, — сказал Флоризель торжественно. — Я убил василиска!

— Боже мой, — вскричал сыщик. — Что вы сделали? Теперь я погиб!

— Полагаю, — с улыбкой возразил принц, — многие богачи в этом городе позавидуют такой гибели.

— Увы, ваше высочество! — сказал сыщик. — Значит, вы все-таки подкупаете меня?

— Видно, иначе нельзя! — ответил Флоризель. — А теперь идемте же в префектуру.

Немного времени спустя без всякого шума была отпразднована свадьба Френсиса Скримджера с мисс Венделер, и принц выступал на свадьбе в роли шафера. Братья Венделер прослышали о том, что случилось с алмазом, и теперь большие водолазные работы, которые они затеяли на реке Сене, вызывают восторг и удивление зевак. Правда, по неверному расчету, братья принялись не за тот рукав реки. Что касается принца Флоризеля, эта блистательная личность, сослужив свою службу, может вверх тормашками отправляться в небытие вместе с автором "Арабских ночей". Но если читатель настаивает на более точных сведениях, я рад сообщить, что ввиду затянувшегося отсутствия принца, а также поучительного пренебрежения, какое он проявлял к своим общественным обязанностям, недавняя революция сбросила его с божьего трона, и теперь его высочество держит на Руперт-стрит табачную лавочку, часто посещаемую и другими политическими эмигрантами.

Время от времени я захоживаю туда покурить и поболтать и каждый раз убеждаюсь, что он так же великолепен, как и в годы своего процветания, за своим прилавком он выглядит настоящим

олимпийцем. И хотя сидячий образ жизни начинает сказываться на ширине его жилетов, он все-таки, вероятно, самый красивый табачник в Лондоне.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Французский писатель XIX века, автор многочисленных уголовных романов.

2

Сыщик, герой романов Габорио.